КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

ПО ПОВОДУ КНИГИ

Г. ГРОТА: „ПСИХОЛОГІЯ ЧУВСТВОВАНІЙ“.

А. А. Козлова.

Цѣна 60 коп., съ перес. 75 коп.

КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи (І. І. Завадзскаго).
1881.

18

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра, 1880 года.

СЛАВЯНОВЕДЧЕСКОЙ
3776

ПСИХОЛОГІЯ ЧУВСТВОВАНІЙ

въ ея исторіи и главныхъ основахъ. Николая Грота. Санктпетербургъ. 1880.

Сочиненіе это доставлено было авторомъ въ качествѣ диссертаціи на ученую степень магистра философскихъ наукъ въ Университетъ Св. Владиміра и представляетъ собою вещь, вполнѣ соотвѣтствующую своему назначенію. Не только у насъ, но и въ европейской литературѣ сравнительно рѣдко ученые начинаютъ свое поприще такими почтенными трудами, какъ „Психологія чувствованій".

Отдѣлъ чувствованій обработанъ въ психологіи гораздо менѣе, чѣмъ другіе ея отдѣлы. Причина тому заключается какъ въ трудности, которую представляютъ для изслѣдователя явленія чувствованія сравнительно съ другими психическими явленіями, такъ и въ томъ обстоятельствѣ, что явленія познанія и воли, рѣзче и яснѣе заявляющія свое значеніе въ практической жизни, какъ бы завоевывали *преимущественное вниманіе* философовъ и психологовъ и отодвигали не совсѣмъ справедливо, скажемъ мы, отъ него чувствованія на задній планъ. Не въ силу какихъ либо соображеній о важномъ значеніи чувствованій или о неразработанности этого отдѣла рѣшился г. Гротъ посвятить ему свои силы, а подъ вліяніемъ случайнаго возбужденія. „Первымъ толчкомъ для разработки избранной авторомъ темы послужило случайное знакомство съ талантливой и интересной книгой покойнаго французскаго психолога Дюмона [1])" (Пс. ч. IX). Подъ этимъ возбужденіемъ онъ сперва занялся теоретическою стороною вопроса о чувствованіяхъ. Эта работа сама собою повела къ изученію исторіи

[1]) Dumont. Théorie scientifique de la sensibilité. Paris, 1875.

вопроса. Наконецъ въ результатѣ этого труда оказалось вышеозначенное сочиненіе, съ содержаніемъ и характеристикой котораго мы и намѣреваемся познакомить читателя.

Все сочиненіе распадается на двѣ значительно *неравныя* части: историческую и теоретическую. Первая занимаетъ большую часть сочиненія (около $^3/_4$) и въ свою очередь подраздѣляется на *два* отдѣла. Въ первомъ, болѣе краткомъ, авторъ излагаетъ воззрѣнія философовъ и психологовъ съ древнѣйшихъ временъ на природу психической дѣятельности вообще, на количество отдѣльныхъ ея функцій и наконецъ на мѣсто и значеніе чувствованій среди другихъ психическихъ явленій.

Оставляя въ сторонѣ подробности этого обзора мы обозначимъ *общіе выводы*, къ которымъ авторъ приходитъ въ заключеніи перваго отдѣла. Относительно природы психическихъ явленій, по мнѣнію автора, философы и психологи начали съ признанія „особыхъ духовныхъ началъ“, потомъ послѣдовательно переходили къ понятію о „частяхъ души“, которое смѣнилось понятіемъ отдѣльныхъ „способностей души“, далѣе „способностей души, какъ простыхъ названій для различныхъ направленій психической дѣятельности“. Наконецъ въ послѣднее время въ основу строго научной классификаціи положено начало *разнородности* явленій сознанія. Относительно *числа* элементовъ психической дѣятельности господствовала то *трихотомія*, т. е., дѣленіе ихъ на три класса [1]) (древній) періодъ), то *дихотомія* или дѣленіе на два класса [2]) (въ средніе вѣка и отчасти въ новое время до 18 в.), то *опять* (съ 18 в.) *на три* класса, но уже „на новыхъ началахъ [3])“. Наконецъ въ самое послѣднее время являются „попытки найти новыя основы для классификаціи психическихъ явленій и по преимуществу основы физіологическія“. *Отношенія* чувствованій къ другимъ психическимъ явленіямъ понимались различно и при томъ такъ неопредѣленно (особенно въ древній и средневѣковой періодъ), что одинъ и тотъ же авторъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій вы-

---

[1]) Напр., дѣленіе на растительныя, животныя или чувственныя, умственныя *части* или *способности* души.

[2]) Напр., дѣленіе душевныхъ *силъ* на пассивную и активную, разумѣніе и волю.

[3]) Дѣленіе на умъ, чувство и волю.

ражалъ относительно этого предмета не только *различные*, но даже *противорѣчивые* взгляды. Чувствованія разсматривались то какъ *моменты умственной* дѣятельности, то какъ *проявленія или ступени воли*, то какъ *особый классъ ощущеній*, то наконецъ какъ *самостоятельная группа* психическихъ явленій. (Стр. 137—138).

Но не смотря на разнорѣчивыя воззрѣнія философовъ и психологовъ на природу чувствованій и ихъ отношеніе къ другимъ психическимъ явленіямъ, г. Гротъ находитъ у всѣхъ нѣчто общее и неизмѣнное. Всѣ признавали чувствованія за „явленія сознанія"; далѣе всѣ видѣли, что чувствами удовольствія и страданія опредѣляются „какія то отношенія, имѣющія мѣсто" въ чувствующемъ индивидуумѣ, „а не внѣ его"; наконецъ всѣ признавали, что отношенія, оцѣниваемыя чувствами, представляютъ какую либо *гармонію* или *дисгармонію* (контрастъ удовольствія и страданія). И такъ, вообще чувства для всѣхъ психологовъ представляютъ *„явленія сознанія, вытекающія изъ оцѣнки гармоніи или дисгармоніи какихъ-то отношеній"* (стр. 140).

Въ развитіи и дальнѣйшемъ опредѣленіи этого общаго пункта уже начинается, по мнѣнію автора, *разногласіе* между психологами. Такъ *оцѣнка* можетъ считаться *сознательною и безсознательною*. Далѣе оцѣниваемыя отношенія могутъ быть *субъективныя* (отношенія процессовъ въ организмѣ), или *объективныя* (вещей другъ къ другу), или же *смѣшанныя* (насъ къ объектамъ и обратно). Наконецъ *критерій* оцѣнки можетъ быть *абсолютный* и *относительный* (т. е. разница въ томъ, имѣется ли въ виду абсолютный типъ оцѣниваемой гармоніи, или же относительный, измѣнчивый). Комбинируя различнымъ образомъ сочетанія этихъ возможностей, авторъ находитъ, что всѣ разногласія психологовъ сводятся къ *16 возможнымъ теоріямъ*, которыя и были выражены въ воззрѣніяхъ различныхъ философовъ и психологовъ. Само собою разумѣется, замѣчаетъ авторъ, что изъ этихъ 16 теорій нѣкоторыя наиболѣе „односторонніе или искусственныя" или совсѣмъ не имѣютъ представителей или очень немногихъ, а также, что одинъ и тотъ же писатель въ разныхъ сочиненіяхъ высказываетъ не одну и туже теорію. Дальнѣйшія модификаціи этихъ теорій у разныхъ психологовъ уже состоятъ въ различіяхъ *проведенія*, *выраженія* теоріи и т. под. второстепенныхъ индивидуальныхъ особенностяхъ (140—143).

Въ второмъ значительно обширнѣйшемъ историческомъ отдѣлѣ го-

раздо подробнѣе и притомъ уже съ выставленной имъ точки зрѣнія 16-ти возможныхъ теорій, авторъ слѣдитъ за ученіемъ философовъ и психологовъ о сущности чувствованій, а также и за классификаціей чувствованій на роды и виды.

Не вдаваясь въ изложеніе этого историческаго изслѣдованія, мы опять укажемъ только на его результаты. Прежде всего дѣйствительно оказалось, что изъ 16 возможныхъ теорій только 8 имѣли значительное *преобладаніе* въ исторіи психологіи надъ остальными какъ *по числу* представителей, такъ и по *устойчивости*, съ которою за нихъ держались ученые. Далѣе оказалось, что ученые *примыкали* къ той или другой теоріи въ большинствѣ случаевъ *безсознательно*. Наконецъ борьба этихъ теорій, по мнѣнію автора, въ наше время закончилась побѣдою *одной* изъ нихъ. Во первыхъ господствующимъ стало признаніе, что чувствованія суть „самостоятельныя психическія явленія“ и что подъ ними „должно разумѣть всю совокупность простыхъ и сложныхъ явленій удовольствія и страданія“. Во вторыхъ „въ наше время стала господствующею“ та точка зрѣнія, что „чувствованіями имѣющими примитивный характеръ“ оцѣниваются „внутреннія отношенія организма (физіологическіе процессы, совершающіеся въ немъ)“. Въ третьихъ „въ XIX вѣкѣ всецѣло господствуетъ ученіе о безсознательной, интуитивной или инстиктивной оцѣнкѣ.“ Въ четвертыхъ всегда преобладало и теперь рѣшительно преобладаетъ признаніе, что „оцѣнка эта относительна“. (стр. 404—410).

По вопросу о *классификаціи* чувствованій авторъ приходитъ къ заключенію, что въ послѣднее время возобладалъ *истинный*, по его мнѣнію, *принципъ* различенія „простыхъ и сложныхъ чувствованій“ и что прежняя группировка ихъ по „нравственной высотѣ чувствъ, по способностямъ души“ и т. под. основаніямъ должна *уступить мѣсто* „во первыхъ группировкѣ по различію тѣхъ примитивныхъ внутреннихъ отношеній“, которыя оцѣниваются примитивными чувствованіями и „во вторыхъ по различію спеціальныхъ отправленій организма, съ которыми связано удовольствіе и страданіе“. Что касается до „*сложныхъ чувствъ*“, то „сперва должны быть выяснены законы осложненія чувствованій“, и потомъ „классификація сложныхъ чувствъ должна находиться въ ближайшей связи съ классификаціей простыхъ“ (ibid).

Теперь я изложу сравнительно подробнѣе теоретическую часть сочи-

ненія г. Грота и потомъ обращусь къ характеристикѣ обѣихъ частей порознь.

Въ теоретической части своего труда авторъ прежде всего приступаетъ къ объясненію термина чувствованій и значенія ихъ среди другихъ психическихъ явленій. Присоединяясь къ теоріи, одержавшей, по его мнѣнію, въ наше время верхъ надъ другими (XVI-я по табличкѣ на стр. 142) онъ подъ чувствованіями разумѣетъ „всѣ явленія удовольствія и страданія“. Чтобы опредѣлить мѣсто, которое даетъ авторъ этимъ явленіямъ среди другихъ психическихъ явленій, намъ нужно познакомиться съ его *теоріею психическаго оборота*. Въ этой теоріи онъ изъявляетъ притязаніе на нѣкоторую оригинальность: въ отдѣльныхъ своихъ элементахъ она, какъ указываетъ г. Гротъ (стр. 433—438), примыкаетъ къ воззрѣніямъ различныхъ его предшественниковъ, но въ цѣломъ представляетъ его самостоятельную комбинацію. Фундаментомъ этой теоріи служитъ у автора *понятіе жизни*, взятое изъ біологіи. Жизнь есть „взаимодѣйствіе организма съ окружающею средою, имѣющее результатомъ приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ“, а психическая жизнь, въ частности, есть только одинъ изъ видовъ этого взаимодѣйствія. (428). Такъ какъ во всякомъ взаимодѣйствіи есть дѣйствіе и противодѣйствіе и далѣе такъ какъ нужно различать два момента взаимодѣйствія—внутренній и внѣшній, то и психическая жизнь, какъ взаимодѣйствіе, состоитъ изъ 4 фазисовъ:

1) „Внѣшнее впечатлѣніе на психическій организмъ.

2) Переработка этого внѣшняго впечатлѣнія во внутреннее.

3) Вызванное этимъ внутреннимъ впечатлѣніемъ такое же внутреннее движеніе.

4) Внѣшнее движеніе организма на встрѣчу предмета“.

Или характеризуя эти фазисы преимущественно со стороны контраста внѣшняго и внутренняго моментовъ взаимодѣйствія и выражая его въ терминахъ: „объективный и субъективный, получаемъ: 1) моментъ объективной воспріимчивости, 2) мом. субъективной воспріимчивости, 3) мом. субъективной дѣятельности и 4) мом. объективной дѣятельности“. Психическія явленія, соотвѣтствующія этимъ моментамъ, располагаются такимъ образомъ. Первому моменту соотвѣтствуютъ первоначальныя ощущенія и всѣ ихъ осложненія, т. е., представленія и понятія (словомъ *сфера ума*, познанія); второму—примитивныя чувствованія удовольствія или страданія и сложныя чувства и волненія

(*область чувствительности*); третьему—стремленія и осложненныя желанія и хотѣнія (*область воли*); четвертому—движенія и ихъ осложненія, дѣйствія и поступки (*область дѣятельности*). Что касается до оказывающихся на практикѣ, особенно въ сложныхъ психическихъ явленіяхъ, уклоненій отъ поставленной авторомъ теоріи психическаго оборота, напр., *разрывъ* преемства моментовъ оборота или *выпаденіи* ихъ изъ правильнаго процесса, то авторъ старается доказать, что эти уклоненія нисколько не подрываютъ его теоріи. Я, конечно, не могу вдаваться въ подробное изложеніе этого доказательства: но сущность его состоитъ въ томъ, что, при внимательномъ анализѣ этихъ уклоненій, разрывъ преемствъ и выпаденія окажутся только кажущимися, а не дѣйствительными. Поэтому авторъ считаетъ себя въ правѣ слѣдующимъ образомъ формулировать законъ психическаго оборота: „*ни одно психическое явленіе, простое или сложное, не можетъ возникнуть безъ настоящаго или хотъ прошедшаго участія явленія, соотвѣтствующаго предъидущему моменту въ правильномъ типѣ психическаго оборота*“. (стр. 427—443).

Если чувствованія, какъ второй моментъ психическаго оборота, имѣютъ своимъ основаніемъ ощущеніе, то спрашивается, какъ они возникаютъ изъ этихъ послѣднихъ и что собственно ими выражается? Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ утверждаетъ, что ощущенія вообще суть „показатели взаимодѣйствія съ внѣшнею средою“, которое состоитъ „или въ обмѣнѣ веществъ, или въ обмѣнѣ силъ или впечатлѣній“, и предлагаетъ слѣдующую классификацію ощущеній. „Ощущенія дѣлятся на два отдѣла: *внѣшнія и внутреннія*. Первыхъ 8 классовъ: 1) тепловыя, 2) обонятельныя, 3) вкусовыя, 4) половыя, 5) мускульныя, 6) осязательныя, 7) слуховыя, 8) зрительныя. Внутреннихъ также 8 классовъ: 1)—связанныя съ кровообращеніемъ, 2)—дыханіемъ, 3)—пищевареніемъ, 4)—воспроизведеніемъ и вообще выдѣленіемъ, 5)—воспріятіемъ, 6)—движеніемъ, 7)—субъективными процессами сознанія, 8)—объективными процессами сознанія, т. е. съ познаніемъ или мышленіемъ. При этомъ 4 первыхъ класса (1—4) обоихъ отдѣловъ ощущеній, по теоріи автора, служатъ „показателями процессовъ обмѣна веществъ“, а 4 послѣднихъ „показателями процессовъ обмѣна впечатлѣній“ (449—50). Эту также притязающую на оригинальность и дѣйствительно нѣсколько необычную классификацію ощущеній авторъ защищаетъ, критически

сопоставляя ее съ классификаціями современныхъ авторитетовъ психологіи (451—454).

Во взаимодѣйствіи организма съ внѣшнею средою ощущенія показываютъ только, что происходитъ въ организмѣ подъ вліяніемъ дѣйствій среды; но отъ этого момента до реакціи организма на среду еще далеко. Слѣдуетъ вопросъ: *каково* для организма происходящее въ немъ отъ вліянія среды и показываемое ощущеніями? На этотъ-то вопросъ и отвѣчаютъ чувствованія и отвѣчаютъ своимъ особымъ языкомъ: *удовольствіемъ и страданіемъ*. Но при этомъ авторъ особенно настаиваетъ на томъ, что не прямо внѣшнія отношенія вещей къ намъ оцѣниваются чувствованіями, а отношенія уже ставшія *внутренними состояніями* тканей нашего организма. Чувствованіями, именно, опредѣляется гармонія или дисгармонія дѣйствій внѣшней среды съ состояніемъ нашихъ тканей; но такъ какъ перемѣна въ тканяхъ можетъ быть и не отъ непосредственнаго дѣйствія среды, то авторъ обобщаетъ свое положеніе такъ, что чувствованія выражаютъ „всякое отношеніе между возбужденіемъ нашихъ органовъ и даннымъ ихъ состояніемъ". Всякое возбужденіе сводится къ *работѣ тканей*, а состояніе тканей есть ихъ *энергія*; и далѣе такъ какъ работа бываетъ *положительная*, когда тратится вещество тканей, когда оно переходитъ изъ сложныхъ химическихъ соединеній въ простыя, и *отрицательная*, когда вещество накопляется и служитъ новымъ запасомъ силы въ тканяхъ, то *гармонія и дисгармонія*, оцѣниваемыя чувствованіями, сводятся къ слѣдующимъ четыремъ случаямъ. 1) Возбужденіе и выражающаяся имъ положительная молекулярная работа или, что все равно, трата вещества, *соотвѣтствуетъ* предшествовавшей отрицательной молекулярной работѣ или накопленію энергіи (вещества), 2) *несоотвѣтствуетъ*, но больше 3) отрицательная работа, накопляющая вещество, *соотвѣтствуетъ* предшествовавшей тратѣ и 4) *несоотвѣтствуетъ*, но больше. Отсюда:

1) „*Положительное удовольствіе* сопровождаетъ всякое соотвѣтствіе траты вещества предшествующему его накопленію.

2) *Отрицательное удовольствіе* сопровождаетъ всякое соотвѣтствіе накопленія вещества предшествующей его тратѣ.

3) *Положительное страданіе* сопровождаетъ всякій избытокъ траты вещества сравнительно съ его накопленіемъ.

4) *Отрицательное страданіе* сопровождаетъ всякій избытокъ накопленія вещества сравнительно съ его тратою".

Что касается до двухъ, повидимому, пропущенныхъ здѣсь случаевъ: „недостатка траты вещества сравнительно съ его накопленіемъ и недостатка накопленія—сравнительно съ тратою", то авторъ замѣчаетъ, что „недостатокъ траты=избытку накопленія, а недостатокъ накопленія=избытку траты". Такъ какъ авторъ (стр. 456—457) утверждаетъ, что критерій оцѣнки чувствами отношеній возбужденія органовъ къ ихъ состоянію *относительный* (т. е. что каждый организмъ и при разныхъ условіяхъ жизни дѣлаетъ это на особый ладъ) и что оцѣнка *безсознательна* (т. е., что въ сознаніе не попадаетъ процессъ самого сравненія и оцѣнки, а только одинъ результатъ его: удовольствіе или страданіе), то вопросъ о возникновеніи чувствованій рѣшается такъ: *„чувствованія удовольствія и страданія вытекаютъ изъ безсознательной и относительной оцѣнки двоякой гармоніи и двоякой дисгармоніи между тратою натихъ веществъ и ихъ накопленіемъ"*.

Развивая далѣе теорію двоякихъ отношеній, авторъ доказываетъ, что 4 момента чувствованій составляютъ одинъ непрерывный процессъ, въ которомъ совершается слѣдующій правильный круговоротъ: 1) отрицательное страданіе (потребность, лишеніе), 2) положительное удовольствіе (наслажденіе, работа), 3) положительное страданіе (усталость, истощеніе), 4) отрицательное удовольствіе (отдыхъ, возстановленіе)[1]). Нѣкоторыя уклоненія отъ этого кругооборота нисколько не нарушаютъ его правильности (стр. 461), такъ что „не подлежитъ сомнѣнію, что *оба типа удовольствія и оба типа страданія относятся къ одному и тому же обороту чувствительности и что моменты послѣдняго неразрывно связаны другъ съ другомъ и служатъ взаимнымъ дополненіемъ другъ друга.*" (стр. 444—462).

Оставляя въ сторонѣ сравненіе, которое дѣлаетъ авторъ между своею теоріею образованія первоначальныхъ чувствованій и теоріями его предшественниковъ (стр. 464—67), мы перейдемъ къ классификаціи этихъ чувствованій.

Такъ какъ источниками чувствованій служатъ ощущенія, а эти

---

[1]) Это можно выразить еще такъ: вещество накоплено въ избыткѣ (отриц. страд.), вещество тратится (полож. наслажд.), вещество потрачено въ избыткѣ (полож. страд.), вещество накопляется (отрицат. наслажд.).

послѣднія показываютъ результаты взаимодѣйствія организма съ средою, то и классификація чувствованій, и классификація ощущеній должна быть, по автору, „въ зависимости отъ классификаціи всѣхъ отправленій организма“. Но такъ какъ современная физіологія „естественной системы отправленій организма еще не выработала“, то психологъ пока „долженъ наоборотъ отправленія классифицировать по ощущеніямъ“; конечно, въ этомъ случаѣ и чувствованія приходится распредѣлять также по ощущеніямъ. Но мы уже видѣли, что первоначальныхъ ощущеній два отдѣла по 8 классовъ; значитъ, каждому классу *соотвѣтствуетъ* особый классъ чувствованій; отсюда всѣхъ группъ чувствованій 16 Но такъ какъ „въ каждой группѣ чувствованій должны быть четыре момента—положительныхъ и отрицательныхъ удовольствія и страданія“, то всѣхъ первоначальныхъ и особыхъ чувствованій, могущихъ возникнуть по поводу ощущеній, можетъ быть 64, изъ коихъ 32 будутъ соединяться съ внутренними, а 32 съ внѣшними ощущеніями. При этомъ г. Гротъ прилагаетъ примѣрную таблицу первоначальныхъ 64-хъ чувствованій, *обозначая* ихъ въ большинствѣ случаевъ *описательно*, такъ какъ языкъ очень рѣдко имѣетъ для нихъ особыя названія (стр. 470—480).

Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу объ осложненіи этихъ первоначальныхъ чувствованій и устанавливаетъ его законы. Законы эти тѣ же самые, что и законы развитія психическихъ явленій вообще; всѣхъ ихъ шесть: *памятованія*, *ассоціаціи и интеграціи*; *забвенія*, *диссоціаціи и дифференціаціи*. Мы не станемъ слѣдить за тѣмъ, какъ авторъ, примыкающій здѣсь главнымъ образомъ къ Спенсеру, опредѣляетъ и обосновываетъ эти законы въ ихъ общемъ значеніи для всѣхъ психическихъ явленій, и приведемъ только формулы, въ которыхъ выражается ихъ спеціальное приложеніе къ чувствованіямъ.

1) „Чувствованія удерживаются въ памяти“, если возбуждены сравнительно *сильными* внѣшними или внутренними раздраженіями. 2) „Чувствованія входятъ въ ассоціацію между собою и съ другими психическими явленіями“, при *смежности* въ сознаніи внутреннихъ или внѣшнихъ возбужденій. 3) „Чувствованія *интегрируются* другъ съ другомъ и съ другими явленіями въ сложныя группы“ при возбужденіяхъ, представляющихъ нѣкоторое *органическое единство*. 4) „Чувствованія подвергаются *забвенію*“ при ослабѣвающихъ возбужденіяхъ. 5) „Чувствованія *диссоціируются* другъ отъ друга и отъ другихъ

явленій", когда возбужденія, ослабѣвая, кромѣ того *разобщаются*. 6) „сложные аггрегаты какъ однихъ только чувствованій, такъ и въ связи съ другими явленіями *дифференцируются*, когда возбужденія, вмѣстѣ съ ослабленіемъ взаимной связи, *распадаются* на меньшія группы".

Подъ вліяніемъ этихъ законовъ первоначальныя чувствованія, ассоціируясь съ ощущеніями и, уже въ этомъ видѣ, соединяясь другъ съ другомъ, представляютъ первую степень сложности, называемую авторомъ *первичными* чувствами и волненіями [1]). Эти въ свою очередь снова соединяются съ идеями и чувствами и образуютъ группы *вторичныхъ* чувствъ и волненій и еще высшей сложности [2]). При этомъ нужно замѣтить, что авторъ считаетъ чувствами только тѣ сложныя образованія, которыя состоятъ изъ сочетанія чувствованій другъ съ другомъ или съ ощущеніями и идеями; ибо только въ этихъ сочетаніяхъ *преобладающую роль* могутъ имѣть чувствованія. Въ сочетаніяхъ же чувствъ съ желаніями или дѣйствіями преобладающая роль будетъ у этихъ послѣднихъ, потому что всякое послѣдующее явленіе психическаго оборота въ сочетаніяхъ *всегда склонно поглощать* предъидущее и, въ ущербъ ему, сосредоточивать на себѣ вниманіе. Этотъ законъ служитъ критеріемъ и для *называнія* психическихъ аггрегатовъ" (стр. 481—498).

Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о *развитіи* первичныхъ чувствъ и ихъ *классификаціи*. Здѣсь онъ настаиваетъ на положеніи, что всякія сложныя чувства и волненія произошли не иначе, какъ

---

[1]) Терминъ „чувствъ и волненій" въ отличіе отъ термина „чувствованій" авторъ употребляетъ спеціально для сложныхъ психическихъ состояній, въ которыхъ чувствительность играетъ преобладающую роль. Разница между терминами: „чувство и волненіе" будетъ отмѣчена ниже.

[2]) Авторъ думаетъ, что осложненіе въ области чувствительности параллельно съ осложненіями въ области познавательной. Ощущеніямъ соотвѣтствуютъ примитивныя чувствованія; конкретнымъ представленіямъ (объ отдѣльныхъ предметахъ)—первичныя чувства и волненія; отвлеченнымъ представленіямъ или конкретнымъ понятіямъ (ихъ видамъ или родамъ)—вторичныя чувства и волненія; отвлеченнымъ понятіямъ (не соотвѣтствующимъ никакимъ опредѣленнымъ предметамъ или группамъ)—еще болѣе сложныя и составныя чувства и волненія.

изъ сочетанія примитивныхъ чувствованій, возникающихъ непосредственно изъ ощущеній и связанныхъ съ физіологическими отправленіями организма (см. выше). Въ какомъ бы раннемъ возрастѣ не появлялось сложное чувство или волненіе у человѣческаго дитяти (напр. чувства радости, любви, страха, гнѣва и пр. проявляются у дѣтей уже въ первые мѣсяцы отъ рожденія), и даже у животныхъ, оно никогда не могло возникнуть самостоятельно, а „произошло *постепенно* изъ первоначальныхъ чувствованій", а потому, подобно этимъ послѣднимъ, должно быть *связано* съ *какими либо органами и ихъ физіологическими отправленіями.* Наконецъ видимая самостоятельность сложныхъ чувствъ и волненій можетъ объясняться, по автору, *наслѣдственною передачею,* атавизмомъ. Сложное чувство или волненіе у какого либо существа можетъ не представлять никакихъ слѣдовъ связи съ первоначальными чувствованіями, потому что оно унаслѣдовано отъ предковъ, у которыхъ эта связь была и у которыхъ это сложное чувство постепенно возникло изъ первоначальныхъ чувствованій.

Конечно, авторъ отказывается отъ невозможной для него *теперь* задачи „прослѣдить развитіе каждаго изъ первичныхъ и болѣе сложныхъ чувствъ и волненій въ человѣчествѣ и мірѣ животномъ изъ первоначальныхъ чувствованій" и предлагаетъ свое воззрѣніе, какъ *гипотезу,* подкрѣпляемую общею теоріею чувствованій автора съ одной стороны, а съ другой какъ гипотезу, помогающую оріентироваться въ трудномъ вопросѣ о классификаціи сложныхъ чувствъ. Предоставляя будущему опровергнуть или подтвердить эту гипотезу à posteriori и думая, что онъ самъ со временемъ возвратится къ этому подтвержденію въ другомъ трудѣ, Г. Гроръ примѣняетъ её сначала къ синтезу первичныхъ, а потомъ вторичныхъ и еще болѣе сложныхъ чувствъ.

Итакъ, „принципами синтеза первичныхъ чувствъ и волненій[1]) служатъ слѣдующія положенія: 1) *каждая группа* первоначальныхъ удовольствій и страданій должна вести къ образованію специфической группы волненій и чувствъ; 2) *число и распредѣленіе* главныхъ группъ

---

[1]) Между терминами: чувства и волненія, авторъ полагаетъ такое различіе, что волненія суть чувства, ставшія изъ *тихихъ порывистыми.* Чувство есть родовое понятіе, волненіе видовое; *всѣ* волненія, происходящія изъ чувствъ, могутъ перейти въ чувства, чувства же не *всѣ* могутъ стать волненіями.

первичныхъ чувствъ и волненій должно равняться числу и распредѣленію разсмотренныхъ группъ первоначальныхъ чувствованій". Затѣмъ авторъ представляетъ примѣрную таблицу 32 первичныхъ чувствъ, составляющихъ осложненія изъ первоначальныхъ чувствованій, связанныхъ съ различными органическими процессами (питаніемъ, кровообращеніемъ, движеніемъ и пр.). При этомъ авторъ обозначаетъ ихъ названіями болѣе сложныхъ чувствъ и волненій, такъ какъ въ языкѣ нѣтъ именъ и для первичныхъ чувствъ и волненій также, какъ нѣтъ и для первоначальныхъ чувствованій. Опасаясь запутать и усложнить дѣло онъ не могъ прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ пріему описаній, употребленному имъ для обозначенія первоначальныхъ чувствованій. Конечно, при этихъ названіяхъ „нужно отвлекаться отъ круга ассоціацій", связанныхъ съ ними на высшей ступени развитія чувствъ.

Затѣмъ авторъ старается *пояснить на примѣрахъ процессъ возникновенія* указанныхъ имъ въ таблицѣ сложныхъ первичныхъ чувствъ и волненій изъ первоначальныхъ чувствованій удовольствія и страданія, сопровождающихъ ощущенія и связанныхъ съ физіологическими отправленіями. Такъ, напр., онъ объясняетъ, какъ волненія злобы или гнѣва, торжества или мести, отвращенія или антипатіи и чувство снисходительности или благорасположенія развиваются путемъ осложненія первоначальныхъ чувствованій, связанныхъ съ процессомъ питанія. Чувство злобы есть отрицательное страданіе, осложнившееся изъ первоначальнаго, отрицательнаго же страданія, чувствуемаго при недостаткѣ питанія, или при голодѣ. Чувство торжества или мести есть положительное удовольствіе, развившееся изъ первоначальнаго положительнаго же удовольствія, чувствуемаго при удовлетворенномъ голодѣ или насыщеніи; чувство отвращенія есть положительное страданіе, развившееся изъ положительнаго же страданія, чувствуемаго при пресыщеніи; чувство снисходительности, или благорасположенія есть отрицательное удовольствіе, развившееся изъ первоначального отрицательнаго же удовольствія, чувствуемаго при возстановленномъ пищевареніи. При развитіи *волненія злобы* изъ чувствованія голода, по объясненію Г. Грота, важную роль играетъ моментъ *борьбы* съ добычею, которая служитъ животному [1]) пищею. Элементы, осложняющіе простое чувство-

[1]) Авторъ пользуется фактами изъ жизни животныхъ при своихъ примѣрныхъ объясненіяхъ происхожденія сложныхъ чувствъ изъ первоначальныхъ,

ваніе голода, состоятъ изъ обстоятельствъ сопротивленія добычи и сопутствующаго ему повышенія интенсивности голода и изъ постояннаго или частаго повторенія этихъ обстоятельствъ. Ассоціируясь по закону смежности, эти элементы постепенно интегрируются въ сложное волненіе злобы. Тотъ же моментъ борьбы съ добычею служитъ къ развитію и возникновенію *чувства торжества или мести* изъ чувствованія насыщенія. Это чувство есть продуктъ интеграціи тѣхъ пріятныхъ чувствованій и элементовъ волненія, которыя сопровождаютъ удачную борьбу съ добычею, удовлетвореніе голода и совершающееся за тѣмъ пищевареніе. *Чувство отвращенія* постепенно развивается въ томъ случаѣ „если много разъ повторялись физическія страданія, вызываемыя чрезмѣрнымъ переполненіемъ органовъ пищеваренія или пріемомъ пищи, имѣющей дурной вкусъ и вызывающей тошноту, вообще недоброкачественной. Наконецъ когда много разъ подъ рядъ наступало правильное удовлетвореніе голода и правильно совершался или оканчивался (неправильно начатой) процессъ пищеваренія, то отдѣльныя удовольствія покоя, успокоенія въ пищеварительныхъ органахъ должны постепенно совокупиться въ одно цѣльное, постоянно сопровождающее окончаніе упомянутыхъ процессовъ, чувство облегченія въ данной системѣ органовъ, переходящее вмѣстѣ съ тѣмъ въ *чувство снисходительности* къ невольнымъ или даже произвольнымъ виновникамъ предшествовавшихъ нарушеній процесса“.

Подобнымъ же образомъ Г. Гротъ объясняетъ примѣрно развитіе и другихъ группъ и волненій, связанныхъ съ другими органическими процессами (дыханія, движенія и пр.): но мы должны ограничиться вышеприведеннымъ для уясненія читателю пути, которымъ шелъ авторъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Впрочемъ, при этомъ нужно отмѣтить, что онъ своихъ примѣрныхъ объясненій не выдаетъ за нѣчто достовѣрное и окончательное. „Мы стремились, говоритъ Г. Гротъ, только доказать рядомъ примѣровъ *общую мысль*, что всѣ сложныя чувства и волненія *можно* объяснять *периферическимъ происхожденіемъ* и что первичныя осложненія чувствованій устанавливаютъ тѣсную связь между всѣми первоначальными и чисто мѣстными явленіями удовольствія и страданія съ одной стороны и еще болѣе сложными и совершенно утратившими мѣстный характеръ чувствами съ другой“. Для доказательства „правильности каждой отдѣльной локализаціи чувствъ недостаточно при-

веденныхъ" авторомъ „отрывочныхъ фактовъ": для этого нужны многоразличныя „точныя и продолжительныя наблюденія". (стр. 499—522).

Теперь мы вслѣдъ за авторомъ перейдемъ къ „очерку дальнѣйшаго развитія чувствъ и волненій изъ первичныхъ во вторичныя и болѣе сложныя".

Первичныя чувства развиваются, по Г. Гроту, изъ первоначальныхъ чувствованій при условіи *непосредственной* борьбы за существованіе, вторичныя же и болѣе сложныя возникаютъ изъ приспособленія къ болѣе сложнымъ отношеніямъ посредственной и косвенной борьбы за существованіе. Поэтому образованіе ихъ обусловливается главнымъ образомъ „спеціальными условіями организмовъ въ борьбѣ за жизнь", что и отражается въ многихъ „индивидуальныхъ колебаніяхъ въ преемствѣ образованія сложныхъ чувствъ. Наконецъ общихъ правилъ послѣдовательности на этихъ ступеняхъ развитія чувствительности пока нельзя установить. Для каждаго вида организмовъ наука (біологія) должна *эмпирическимъ методомъ* опредѣлить свойственную ему схему развитія; многіе спеціалисты должны раздѣлить между собою эту работу, успѣшность окончанія которой зависитъ „отъ успѣховъ всѣхъ біологическихъ наукъ въ совокупности, а потому въ настоящее время эта задача можетъ оказаться еще несвоевременною". Поэтому авторъ на *отрывочныхъ примѣрахъ* пытается приблизительно указать природу процесса превращенія первичныхъ чувствъ во вторичныя и болѣе сложныя. Мы ограничимся указаніемъ на одинъ изъ такихъ примѣровъ, именно, на дальнѣйшее *преобразованіе* чувства злобы.

Чувства осложняются въ двухъ направленіяхъ; путемъ ассоціаціи съ ощущеніями и идеями и путемъ ассоціаціи съ чувствами же Въ первомъ направленіи „развивается отчетливость и сознательность чувствованій, какъ внутреннихъ состояній; во второмъ увеличивается ихъ сознательность, какъ продуктовъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій и отношеній". Развитіе вторичныхъ чувствъ изъ первичныхъ идетъ во второмъ направленіи, т. е., ассоціируясь съ представленіями, вторичныя чувства сопровождаются *яснѣйшимъ сознаніемъ* тѣхъ условій (окружающей организмъ обстановки), изъ которыхъ они возникли. „Первичное чувство

---

[1]) Авторъ употребляетъ для обозначенія этого процесса термины „объективной сознательности и субъективной сознательности".

злобы сначала безпредметно". Происходя изъ условіи борьбы за существованіе, первичное чувство злобы еще не соединяется съ яснымъ представленіемъ перипетій и пріемовъ борьбы съ добычею, а также и съ представленіемъ животныхъ видовъ этой добычи. Отсюда первичное чувство злобы *дифференцируется* въ разныхъ особяхъ въ спеціальныя чувства особаго характера, смотря по ассоціаціи съ особенностями пріемовъ борьбы и объектовъ добычи. Далѣе эти спеціальныя чувства постепенно все болѣе и болѣе отвлекаются отъ особыхъ условій, среди которыхъ предметы злобы первоначально дѣйствовали на сознаніе. Такъ напр., эта злоба можетъ возникать, при представленіи предмета добычи, и при отсутствіи голода, и безъ надобности въ борьбѣ съ нею, въ дальнѣйшемъ развитіи даже въ отсутствіи самаго предмета злобы, а только при его воспоминаніи. Такимъ образомъ можетъ быть объясняемъ (по автору) фактъ наслѣдственной ненависти между нѣкоторыми животными, напр., между собакой и кошкой. Точно также и далѣе болѣе сложныя чувства развиваются изъ вторичныхъ въ направленіи усиленія „объективной сознательности" и подъ вліяніемъ еще большаго отвлеченія отъ первоначальныхъ и конкретныхъ условій первоначальнаго возникновенія чувствъ, ибо въ ассоціацію болѣе сложныхъ чувствъ входятъ со стороны ума понятія, придающія чувствамъ *болѣе идеальное* направленіе. Такъ чувство злобы отвлекается не только отъ конкретныхъ условій *этой* борьбы съ добычею, но и вообще отъ представленія борьбы и сочетается съ общею идеею вреда, наносимаго организму внѣшними условіями, и преобразуется въ сложное чувство самолюбія и т. п.

Общее различіе болѣе сложныхъ чувствъ сравнительно съ менѣе сложными и первоначальными чувствованіями состоитъ въ томъ, что сложнѣйшія все болѣе и болѣе *утрачиваютъ связь* съ мѣстными периферическими возбужденіями. По этому авторъ считаетъ возможнымъ провести ту полную параллель между чувствованіями и явленіями познанія, о которой мы уже упоминали. (См. выше въ примѣчаніи). (стр. 529—549).

Затѣмъ на *будущую психологію* авторъ возлагаетъ задачу „прослѣдить въ подробностяхъ условія и особенности развитія каждаго уже образовавшагося, общаго или спеціальнаго, чувства въ индивидуумахъ различныхъ видовъ организмовъ, начиная отъ низшихъ животныхъ и кончая человѣкомъ; при этомъ въ анализѣ первоначальныхъ

чувствованій психологія должна постоянно сообразоваться съ выводами *физіологіи*; въ анализѣ же чувствъ высшей сложности должна идти рука объ руку съ *соціологіей*, которой принадлежитъ задача выяснить сложныя искусственныя условія, среди которыхъ неизбѣжно возникаютъ тѣ или другіе высшіе аггрегаты чувствъ" [1]).

Теперь я приступлю къ *характеристикѣ* труда Г. Грота, при чемъ остановлюсь преимущественно на теоретической его сторонѣ, какъ наиболѣе интересной.

Въ характеристикѣ историческаго отдѣла я коснусь *полноты и точности* историческихъ данныхъ, приводимыхъ авторомъ, а также сдѣлаю замѣчаніе и о *критическомъ отношеніи* его къ психологическимъ ученіямъ, изложеннымъ въ обзорѣ.

Полнота историческаго отдѣла составляетъ одно изъ *лучшихъ качествъ* сочиненія Г. Грота въ его цѣломъ: въ этомъ отношеніи оно есть результатъ упорнаго и терпѣливаго труда. До 19 вѣка весьма трудно подъискать какого либо незначительнаго писателя по философіи и психологіи [2]) который былъ бы не упомянутъ авторомъ. Въ этомъ случаѣ онъ даже, по моему, впадаетъ въ *крайность* и останавливается на такихъ писателяхъ, которыхъ безъ всякаго ущерба для дѣла могъ бы пропустить. Такъ напр., изложивши психологическое ученіе Плотина, дѣйствительно оригинальнаго представителя неоплатонизма, совсѣмъ бы можно было *пропустить* другихъ неоплатониковъ: Порфирія, Ямвлиха, Прокла, которые не прибавили къ психологіи Плотина ничего новаго и достойнаго замѣчанія, а если и видоизмѣнили въ чемъ либо ученія основателя школы, то эти видоизмѣненія были только искаженіями и вообще никакого вліянія въ дальнѣйшемъ развитіи психологіи не имѣли. Далѣе можно было совсѣмъ не упоминать многихъ отцевъ церкви и охарактеризовать ихъ психологическія воззрѣнія вообще. Наконецъ, къ чему приведены всѣ эти Дрэвесы, Зейлеры, Кирваны, Липсіи, Мартиніусы и имъ подобныя писатели? Мѣсто имъ въ историческомъ лексиконѣ по психологіи или даже вообще по философ-

---

[1]) Цитата эта взята изъ тезисовъ, выставленныхъ Г. Гротомъ для защиты на публичномъ диспутѣ.

[2]) Почти до послѣдняго времени всякій психологъ былъ eo ipso и философъ.

БИБЛІОТЕКА

скимъ наукамъ, а не въ систематической исторіи психологіи, для прогресса которой они ровно ничего не сдѣлали и безъ существованія которыхъ она прошла бы *тѣ же самыя ступени и фазы* развитія, черезъ которые прошла и при нёмъ

Но не смотря на полноту историческаго обзора, все таки почтенный авторъ сдѣлалъ нѣкоторые пропуски, которыхъ, по нашему, лучше было бы избѣжать. Пропуски именно относятся къ нашему столѣтію и сравнительно къ новѣйшему времени. Такъ, ни однимъ словомъ не упомянуты такіе писатели, какъ, напр., Фихте младшій, Ульрици, Фортлаге, Брентано, Карлъ Герингъ и другіе. При этомъ я позволю себѣ подозрѣніе, что *первые трое* изъ названныхъ писателей не упомянуты, не потому что случайно остались неизвѣстны почтенному автору (всего знать человѣку нельзя), а *по высокомѣрію*, съ которымъ онъ относится къ психологамъ, позволяющимъ себѣ метафизическія спекуляціи о природѣ души и особенно къ нѣмецкимъ психологамъ. Конечно, авторъ можетъ не раздѣлять точекъ зрѣнія на психологію и мнѣній Ульрици, Фихте младшаго и Фортлаге и даже считать ихъ отсталыми, но все таки не должно забывать, что все трое пользуются извѣстностью и вліяніемъ въ Германіи и притомъ первые два суть главные представители особаго направленія въ современной философіи и психологіи [1]), а послѣдній представляетъ особую разновидность въ томъ направленіи, которое влеченія считаетъ основными психическими явленіями [2]). Брентано, авторъ обширнаго сочиненія *Psychologie von empirischen Standtpunckte* (1874), есть извѣстный профессоръ Вѣнскаго Университета. Карлъ Герингъ, недавно преждевременно умершій, въ

---

[1]) Въ психологіи оба защищаютъ не только особность и самостоятельность души отъ тѣла, но и ея господство надъ нимъ.

[2]) Специальное сочиненіе Ульрици по психологіи: *Leib und Seele* имѣетъ нѣсколько изданій и, помнится, переведено по русски. Сочиненія по психологіи Фихте младшаго суть: *Die Anthropologie* (3 изданія, die Psychologie, Zur Seelenfrage, die Seelenfortdauer. Кромѣ того у обоихъ многія статьи въ давно издаваемомъ ими журналѣ: Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Сочиненія Фортлаге по психологіи суть: System der Psychologie als empirischer Wissenschaft (2 т 1855), Acht psychologische Vorträge (1869), Sechs psychologische Vorträge (1869) Vier psychologische Vorträge (1874), Beiträge zur Psychologie (1875).

своемъ сочиненіи: *System der Kritischen Philosophie* (1876), остроумно защищаетъ воззрѣніе, по которому воля есть основная психологическая дѣятельность, и защищаетъ не съ точки зрѣнія метафизической, подобно школѣ Шопенгауера, а съ точки зрѣнія эмпирической психологіи.

Точность историческихъ показаній составляетъ также *достоинство* „Психологіи чувствованій". Излагая отъ себя чужія ученія, авторъ вѣрно передаетъ ихъ; приводимыя цитаты приведены или провѣрены въ большинствѣ случаевъ по подлинникамъ; цитаты, приводимыя изъ вторыхъ рукъ, по недостатку подлинниковъ, взяты изъ благонадежныхъ источниковъ.

Конечно, точность Г. Грота не безусловна; встрѣчаются все таки и *прегрѣшенія* противъ нея и, какъ мы замѣтили, въ отношеніи къ новѣйшимъ писателямъ. Обиженными Г. Гротомъ оказываются опять таки бѣдные метафизики. Я ограничусь указаніемъ на одинъ образчикъ изъ имѣющихся въ запасѣ. На стр. 109 мы находимъ показаніе, что „Шопенгауеръ монистъ и пантеистъ". Монистъ такъ, но пантеистъ никоимъ образомъ, ибо самъ Шопенгауеръ въ Parerg'ахъ (т. I, 124) предостерегаетъ отъ смѣшенія пантеизма съ монизмомъ. Если понятіе пантеизма означаетъ тождество Бога съ міромъ, то это, по Шопенгауеру, противорѣчивое понятіе, ибо понятіе Бога можетъ состояться только въ противоположеніи съ коррелативнымъ ему понятіемъ міра; да и вообще онъ заявляетъ себя противъ пантеизма (см. Schopenhauer's-Lexicon стр. 199—201). Далѣе на той же страницѣ 109 сказано: „противополагая два начала въ человѣкѣ, интеллектъ и волю, онъ (Шопенгауеръ) среди другихъ метафоръ употребляетъ слѣдующія: воля—сущность человѣка, интеллектъ—случайный признакъ; воля—матерія, интеллектъ форма; воля—теплота, интеллектъ—свѣтъ". Слова эти кидаютъ ложный свѣтъ на Шопенгауера. Они заставляютъ думать, будто Шопенгауеръ *говоритъ только* метафорами и сравненіями объ отношеніи воли къ интеллекту. Конечно, этого нѣтъ, въ чемъ читатель можетъ убѣдиться напр. изъ 19-й гл. I-го и II-го томовъ Welt als Wille und Vorstellung и другихъ мѣстъ. Между прочими положеніями употреблены и вышеприведенныя, при чемъ Шопенгауеръ самъ (безъ помощи Г. Грота) знаетъ, что это образныя выраженія [1]).

---

[1]) Вотъ подлинные слова Шопенгауера:,..... sodann in einem mehr und mehr *bildlichen* Sinne, mithin gleichnissweise. der Wille ist die Substanz des

Эти неточности можно еще, пожалуй, назвать только *небрежностью* въ изложеніи, но слѣдующее далѣе представляетъ со стороны Г. Грота на только *искаженіе*, на голую выдумку на Шопенгауера.

На слѣдующей 110 стр. Г. Гротъ говоритъ: „однако въ другомъ мѣстѣ противуполагая чувствованія пріятнаго и непріятнаго объективнымъ ощущеніямъ, которыя служатъ источникомъ представленія, Шопенгауеръ говоритъ о нихъ, какъ о мотивахъ, *возбудителяхъ* воли".

Все это не только неточность, искаженіе, но, sit venia verbo, просто вздоръ; и въ указанной Г. Гротомъ 3-й главѣ II-го тома Welt als Wille et cet. (Über die Sinne) ничего этого нѣтъ. Здѣсь Шопенгауеръ вовсе *не* „противополагаетъ чувствованія пріятнаго и непріятнаго объективнымъ ощущеніямъ", а противопоставляетъ одни чувства (Sinne) другимъ, или, точнѣе, ощущенія однихъ внѣшнихъ чувствъ ощущеніямъ другихъ. Такъ онъ противополагаетъ ощущенія высшихъ чувствъ, зрѣнія, слуха и осязанія (напр. Farbenempfindungen, Laute и пр.), ощущеніямъ низшихъ, вкуса и обонянія. Первыя чувства онъ называетъ, по преимуществу, объективными, потому что данныя доставляемыя ими (т. е. содержаніе ихъ ощущеній) служатъ для познанія внѣшнихъ вещей; вторые называетъ по преимуществу субъективными, потому что они „уже не свободны отъ непосредственнаго возбужденія воли (т. е.), они постоянно возбуждены пріятно или непріятно (d. h. sie (die Sinne) werden stets angenehm, oder unangenehm afficirt [1])". Словомъ *ощущенія* или въ нѣсколько неточномъ (фигуральномъ) выраженіи Шопенгауера одни внѣшнія чувства (а не чувствованія—Sinne, aber nicht Gefühle) противопоставлены другимъ внѣшнимъ чувствамъ. Точно также во всей указанной главѣ *ни единаго слова* не сказано Шопенгауеромъ о „чувствованіяхъ пріятнаго и непріятнаго какъ о мотивахъ, *возбудителяхъ* воли". Слово: мотивъ, даже ни разу не употреблено. Разъ сказано, что „теплота [2]) (а не чувствованія) дѣйствуетъ прямо на волю пріятнымъ или не пріятнымъ образомъ" и что чувства вкуса и обонянія (т. е. ихъ ощущенія) возбуждаютъ волю. Значитъ, ученіе Шопен-

---

Menschen, der Intellect das Accidenz:—der Wille ist die Materie, der Intellect die Form:—der Wille ist die Wärme, der Intellect das Licht. (W. a. W. und V. II, 225).

[1]) См. loco citato

[2]) Какъ внѣшній агентъ.

гауера о чувствованіяхъ, какъ о „возбудителяхъ воли", выдумано. Да оно и не возможно для Шопенгауера, ибо чувствованія удовольствія и страданія (пріятнаго и непріятнаго) суть, по его теоріи, *не „возбудители"* а *состоянія, модификаціи* воли, какъ то вѣрно указано и самимъ Г. Гротомъ (выше на той же 110 стр.) Выдумка же произошла, вѣроятно, у почтеннаго автора оттого, что онъ читалъ Шопенгауера только глазами, а не *внимающимъ умомъ*. Мелькало смутно у него во время чтенія, что рѣчь идетъ о возбужденіи воли; этого, безъ дальнѣйшей остановки надъ тѣмъ, *кто и что* возбуждаетъ волю, было достаточно, чтобы взвалить на Шопенгауера упрекъ, что онъ то считаетъ чувства состояніями, модификаціями воли, то возбудителями (т. е. причинами). Да и стоитъ ли церемониться съ нѣмцемъ метафизикомъ и дарить ему вниманіе, всецѣло обращенное на *современную, точную, положительную науку!*

Что касается до критической оцѣнки, которой подвергаетъ г. Гротъ изложенныя имъ въ историческомъ отдѣлѣ психологическія теоріи, то я нахожу ее *менѣе* удовлетворительною сравнительно съ полнотою этого отдѣла и вѣрностью находящихся въ нёмъ историческихъ данныхъ. И въ этомъ случаѣ критика новѣйшихъ писателей и ихъ теорій у г. Грота слабѣе, чѣмъ критика древнихъ. Поэтому выводы автора „Психологіи чувствованій", которые помѣщены въ заключеніи обоихъ историческихъ отдѣловъ и съ которыми я уже познакомилъ читателя, не всегда обоснованы на критическомъ анализѣ историческаго матеріала и въ нѣкоторыхъ важныхъ положеніяхъ представляютъ простое *догматическое утвержденіе*, опирающееся на собственныя теоріи автора, составленныя имъ *до* и *помимо* историческаго изслѣдованія. При этомъ заранѣе порѣшено, что все согласующееся съ этими теоріями научно и современно, а несогласующееся наоборотъ. Такимъ образомъ два капитальнѣйшія положенія г. Грота являются не достаточно обоснованными и отзываются произвольнымъ характеромъ. Эти положенія гласятъ, что основнымъ понятіемъ для классификаціи психическихъ явленій окончательно признана современной, научной психологіей „разнородность явленій сознанія" и что теорія, признающая чувствованія за „самостоятельныя психическія явленія", получила господство надъ другими.

Первымъ довольно неясно выраженнымъ положеніемъ авторъ, по моему, хочетъ сказать, что современная и научная психологія совершенно

отказывается отъ метафизическихъ изслѣдованій о природѣ духа, о его силахъ или способностяхъ и пр.. Въ этомъ смыслѣ придаетъ авторъ современной психологіи эпитетъ *эмпирической*; въ этомъ смыслѣ онъ выхваляетъ Аристотеля, впервыя создавшаго „понятія свойствъ, состояній души и этимъ самымъ отдѣлившаго вопросъ о классификаціи этихъ свойствъ отъ вопроса о природѣ ихъ субстрата“ (стр. 8). Вообще если вышеозначенное положеніе г. Грота не значитъ того, что *современная, эмпирическая* психологія имѣетъ дѣло только съ *эмпирически разнородными* явленіями сознанія, оставляя въ сторонѣ метафизическій вопросъ о субстратѣ этихъ явленій, то оно (положеніе) вовсе не имѣетъ никакого смысла, потому что разнородность явленій сознанія въ томъ или въ другомъ отношеніи признавалась еще со времени греческихъ философовъ. Для объясненія этой разнородности и *придумывались* различныя „начала, части и способности“ души. Далѣе мое толкованіе смысла положенія г. Грота подтверждается общимъ тономъ его книги и явно *высокомѣрнымъ отношеніемъ* ко всякой метафизикѣ. Термины: „душа, духъ , въ выраженіи его собственныхъ положеній, по видимому, нарочито избѣгаются; въ разборъ метафизическихъ теорій души другихъ писателей онъ вдается крайне неохотно и то еще по отношенію къ древнимъ и вообще далеко по времени отстоящимъ отъ насъ психологамъ У Платона, Аристотеля, Плотина, Декарта наконецъ метафизика еще терпима г. Гротомъ, но если, избави Боже, современный психологъ (а особенно въ какомъ либо отношеніи цѣнимый почтеннымъ авторомъ) проштрафится въ *„праздныхъ словопреніяхъ“*, то г. Гротъ или презрительно *игнорируетъ* ихъ, или же двумя, тремя взмахами пера безжалостно *превращаетъ въ прахъ*. Такъ, напр., въ цѣломъ сочиненіи г. Грота вы не найдете двухъ строкъ о метафизическомъ ученіи Гербарта и его школы, хотя психологія этой школы стоитъ въ *безусловной* зависимости отъ ея метафизики: конечно, это должно объясняться чѣмъ, что почтенный авторъ третируетъ свысока эту школу, а тѣмъ болѣе ея метафизику. Но тамъ, гдѣ ему третировать нельзя, онъ снисходитъ до отеческаго нагоняя за метафизическія шалости. Такъ, напр., относится онъ къ Дюмону, которому многимъ и очень многимъ (г. Гротъ сознается и самъ въ этомъ) обязана „Психологія чувствованій“. Все сочиненіе французскаго ученаго (Theorie scientifique de la sensibilité) вполнѣ и насквозь пропитано *метафизическими спекуляціями* о единствѣ субстанціи всего существу-

ющаго, о тождествѣ нашего я съ этою субстанціею, о чувствительности, разлитой во всѣхъ царствахъ природы, о выраженіи посредствомъ удовольствій и страданій отношеній силъ, проявляющихся въ цѣломъ мірѣ, о неизмѣнномъ количествѣ страданій и наслажденій въ цѣлой вселенной, о сознаніи и матеріи, какъ двухъ формахъ выраженія одной и той же субстанціи и т. под. Излагая теорію чувствованій Дюмона, г. Гротъ относительно метафизическихъ его соображеній говоритъ на полуторыхъ страницахъ, которыя я нахожу нужнымъ привести цѣликомъ.

„Установивъ общій законъ отношенія удовольствія и страданія, Дюмонъ въ слѣдующихъ главахъ разъясняетъ дальнѣйшія особенности этихъ феноменовъ. Прежде всего онъ стремится доказать посредствомъ цѣлаго ряда положеній относительность пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляли этотъ терминъ [1]). Въ слѣдующей главѣ „о метафизическомъ характерѣ удовольствія и страданія“ отъ относительности этихъ феноменовъ онъ переходитъ къ странному предположенію, что они не реальны. Удовольствіе и страданіе „соотвѣтствуютъ *перемѣнѣ* состоянія, а не самому состоянію“, это не особаго вида ощущенія и не особыя направленія ощущеній, ибо направленій психической дѣятельности можетъ быть только два (мысль Круга); чувствованія даже не суть факты или феномены психической жизни, они не суть и проявленія силъ, а лишь *признаки* сложенія и разложенія силъ [2]). Нечего и говорить, что подобныя разсужденія Дюмона, противъ которыхъ справедливо возстаетъ Булье, не имѣютъ ни малѣйшаго научнаго смысла и имѣютъ источникомъ лишь логическое недоразумѣніе. Особый характеръ относительности явленій удовольствія и страданія, сравнительно съ ощущеніями, стремленіями и другими психическими феноменами, конечно, не под-

---

[1]) Ibid. Ch. IV, p. 69 и слѣд. Мы отъ Дюмона и заимствовали понятіе относительности и абсолютности оцѣнка (гармоніи), опредѣляющей характеръ чувства. Но Дюмонъ примѣняетъ эти понятія только къ оцѣнкѣ *внутренней* гармоніи, тогда какъ мы пользовались ими для характеристики *всѣхъ* способовъ оцѣнки, которыя только могутъ быть предположены. (Прим. г. Грота).

[2]) Ibid. Ch. V.

лежитъ сомнѣнію, но отъ особаго характера относительности заключать къ *нереальности* явленій нѣтъ основанія. Во первыхъ *всѣ* психическія явленія болѣе или менѣе, въ томъ или другомъ значеніи слова, относительны и измѣнчивы, и эта относительность почти всегда зависитъ отъ характера феноменовъ какого нибудь порядка (напр. относительность „*стремленій*“ зависитъ отъ характера „удовольствій и страданій“, возникающихъ по поводу тѣхъ или другихъ „ощущеній“). Во вторыхъ, что значитъ реальный и нереальный феноменъ сознанія? Все, что мы сознаемъ, *eo ipso* реально для насъ. реальность эта можетъ имѣть объективную или субъективную окраску, но степень ея отъ этого не измѣняется; для первоначальнаго сознанія субъективное и объективное даже совпадаютъ и представляютъ вмѣстѣ одно конкретное цѣлое. Стало быть, Дюмонъ увлекся метафизическими тонкостями и пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ, которыя не имѣютъ никакого психологическаго достоинства. Вступивъ разъ на почву праздныхъ словопреній, онъ остается на ней и въ остальныхъ главахъ первой части своей книги, приплетая совершенно не кстати къ анализу чувствованій изслѣдованіе вопросовъ 1) о единствѣ сознанія и 2) о значеніи безсознательнаго. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ въ этихъ главахъ, совершенно невѣрны и односторонни. Можно ли доказать, напримѣръ, что чувствованія, въ противоположность къ ощущеніямъ и идеямъ, *всегда* сливаются другъ съ другомъ и образуютъ одно неразрывное цѣлое (un mode général de sensibilité), когда въ борьбѣ мотивовъ дѣятельности, въ конфликтѣ противуположныхъ стремленій, мы имѣемъ такое наглядное доказательство раздѣльности чувствованій, неспособности ихъ во многихъ случаяхъ войти въ сліяніе другъ съ другомъ? Еще страннѣе доказывать, что безсознательность есть феноменъ, параллельный небытію, пустому пространству, и что даже въ неорганическомъ мірѣ сознаніе, а слѣдовательно, и чувствованія пріятнаго и непріятнаго составляютъ необходимую субъективную сторону обмѣна „силъ“. Еслибъ Дюмонъ выпустилъ совершенно послѣднія три главы своего „общаго анализа“, то книга его не только бы ничего не потеряла, но скорѣе бы выиграла въ глазахъ многихъ психологовъ“. (Стр. 369—371).

Что же видимъ мы въ этой цитатѣ? Цѣлая *половина* ея занята нагоняемъ, который даетъ г. Гротъ „талантливому“ Дюмону за „метафизическія тонкости“ въ довольно жесткихъ и строгихъ выраже-

ніяхъ, какъ-то: „отсутствіе малѣйшаго научнаго смысла, логическое недоразумѣніе, выводы, не имѣющіе никакого психологическаго достоинства, праздныя словопренія, не кстати приплетаемыя къ анализу чувствованій“ (стр. 370—371). Другая половина занята, по видимому, критикою положеній Дюмона. Но уже à priori очевидно, что на полстраницѣ нельзя опровергнуть теорій, которыя проводятся въ цѣлой книгѣ. И дѣйствительно *критики нѣтъ*, а есть слабый намекъ на нее; нѣтъ даже изложенія теорій, которыя называются „праздными словопреніями, не имѣющими научнаго смысла“. Такъ г. Гротъ якобы опровергаетъ утвержденіе Дюмона о „нерсальности удовольствія и страданія“ тѣмъ, что изъ относительности этихъ явленій нельзя заключать къ ихъ нереальности. При этомъ для меня ясно, что г. Гротъ не понялъ, да и не хотѣлъ понять, въ какомъ смыслѣ употреблялъ Дюмонъ *многосмысленное слово*: относительность, когда изъ относительности чувствованій заключалъ къ ихъ нереальности. Дѣло въ томъ, что, по Дюмону, единая міровая субстанція выражается двусторонне: матеріей и ея движеніями и сознательными явленіями ощущенія и воли. Матерія есть тоже, что ощущенія, стремленія тоже, что движенія; разница только въ формѣ явленій. Значитъ, по Дюмону, со стороны сознанія, *реальныя выраженія* или *модусы субстанціи* суть ощущенія и стремленія, а чувства выражаютъ только отношенія между этими реальностями: они только акомпаниментъ, отзвукъ, („retentissement“) ощущеній; чувствованія суть выраженія перехода отъ одного факта (т. е., ощущенія или представленія) къ другому. Значитъ, чувствами точно также выражаются отношенія между дѣйствительными модусами субстанціи, какъ релаціонными представленіями: возлѣ, подлѣ, надъ, подъ, внизу, вверху и т. д., выражаются отношенія между представленіями вещей: дерево, земля, камень, домъ и пр. Отсюда очевидно, что какъ съ точки зрѣнія метафизики ходячаго наивнаго реализма „домъ, камень и пр.“ суть реальности, а „возлѣ, подлѣ, надъ„ суть нереальности, такъ съ метафизической точки зрѣнія Дюмона ощущенія(=матерія) и движенія(=стремленія) суть *реальности*, а чувствованія(=больше, меньше, сильнѣе, слабѣе и т. под.) суть *нереальности*. Я вовсе въ данномъ случаѣ не имѣю въ виду отстаивать метафизическую систему Дюмона; я только *утверждаю*, что опроверженіе положенія Дюмона о нереальности чувствованій г. Гротомъ есть не опроверженіе, а *подлинно* „логическое недоразумѣніе“ и именно: логическая ошибка

называемая—ignoratio elenchi. Далѣе какъ будто Дюмонъ могъ хотя бы на одну минуту сомнѣваться въ томъ, что всѣ явленія сознанія „реальны для насъ“. Но вѣдь, изъ реальности *для насъ* явленій сознанія вовсе еще *не слѣдуетъ* бытіе явленія *о себѣ*, бытіе внѣ сознанія. Кислое, соленое, цвѣтное и пр., конечно, реальны для насъ, но мы, вѣдь, не допускаемъ же бытія кислого, соленаго о себѣ (метафизически). Далѣе, что хотѣлъ сказать г. Гротъ вопросительнымъ предложеніемъ отъ словъ: „можно ли доказать“, до словъ: „сліяніе другъ съ другомъ“, я не совсѣмъ понимаю, а потому и пропускаю мимо. Но относительно слѣдующаго положенія со словъ: „еще страннѣе доказывать и т. д.“, я не могу не защитить отъ г. Грота моего собрата по „праздным словопреніямъ“. Не только „не странно“ для Дюмона „доказывать, что безсознательность есть феноменъ, параллельный небытію и пр.“, но напротивъ это необходимое *логическое слѣдствіе* основной его гипотезы, что матерія и сознаніе не суть нѣчто различное, а одно и тоже. Отсюда для Дюмона всякій матеріальный фактъ есть eo ipso и фактъ сознанія, всякая перемѣна въ матеріальномъ мірѣ, которая сводится къ сложенію и разложенію силъ, есть eo ipso фактъ чувствительности въ сферѣ сознанія.

Какое же заключеніе выведемъ мы изъ обозрѣнія вышеприведенной цитаты. То, что въ ней яснымъ и несомнѣннымъ остается только *нагоняй* Дюмону за „метафизическія тонкости“. То же въ чёмъ состоятъ эти тонкости, указано неполно и не ясно, и далѣе собственное выступленіе г Грота на почву „праздныхъ словопреній“ и преслѣдованіе на ней Дюмона нельзя назвать успѣшнымъ. А посему, „еслибъ“ г. Гротъ „выпустилъ совершенно“ попытку на критику „метафизическихъ тонкостей“, то выговоръ Дюмону „выигралъ бы“ и въ простотѣ, и въ внушительности.

Но воротимся къ нашему вопросу. Дѣйствительно ли лучшіе представители современной психологіи стоятъ на почвѣ *чисто эмпирической* и далѣе признанія „разнородности явленій сознанія“ не идутъ, т. е., не пытаются объяснять генезисъ какъ самого сознанія, такъ и его проявленій изъ послѣднихъ основъ какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго міра, при чёмъ, смотря по метафизической гипотезѣ, этѣ основы могутъ представляться одними и тѣми же для того и другого, или различными? Къ этому основному метафизическому вопросу присоединяются и другіе, исчислять которые мы здѣсь не имѣемъ

надобности. Что же касается до лучшихъ современныхъ психологовъ, то значительное большинство ихъ вовсе не стоятъ на исключительно эмпирической точкѣ зрѣнія. Такъ, напр., начиная съ германскихъ психологовъ, вся *школа Гербарта*, давшая многихъ дѣятелей по психологіи, ставитъ эту науку въ самую тѣсную связь съ метафизикой. *Лотце*, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей психологіи въ Германіи, Лотце, котораго ставитъ высоко и самъ г. Гротъ, не далѣе какъ въ 1879 году во второй части своей „Системы философіи“ ставитъ метафизическое ученіе о душѣ рядомъ съ метафизическимъ ученіемъ о бытіи и мірѣ.[1]) Вундтъ также признаетъ законность метафизической точки зрѣнія на предметъ психологіи. „Всюду, говоритъ онъ въ заключительной главѣ своей Физіологической психологіи, психологическое изслѣдованіе ведетъ къ метафизическимъ проблеммамъ. Но система эмпирическихъ фактовъ и законовъ,[2]) до которой доходитъ это изслѣдованіе, составляетъ только часть предварительныхъ условій для рѣшенія этихъ метафизическихъ проблеммъ. Остальныя условія должны быть присоединены со стороны философіи природы и критики познанія; ибо понятія внутренняго опыта тѣсно связаны съ понятіями внѣшняго, а потому критическое изслѣдованіе о происхожденіи и значеніи однихъ должно идти объ руку съ таковымъ же изслѣдованіемъ относительно другихъ“[3]). Вслѣдъ за этими словами Вундтъ дѣлаетъ краткія указанія на тѣ данныя физіологической психологіи, которыя могли бы послужить исходною точкою для рѣшенія метафизическихъ проблеммъ о душѣ Далѣе Горвицъ, извѣстный представитель *и эмпирической, и физіологической* психологіи не только не противъ метафизики, но и самъ входитъ въ ея области (напр., во второй части его „Psychologische Analysen-Analyse des Denkens“). Онъ, подобно Вундту, думаетъ, что эмпирическая психологія должна завершиться разрѣшеніемъ метафизическихъ вопросовъ. Вотъ, подлинныя его слова. „Что такое душа и есть ли особая душевная субстанція, это, какъ мы часто о томъ напоминали, суть вопросы, относящіеся не къ началу, а къ

---

[1]) См. System der Phylosophie von Hermann Lotze. Metaphysik. drei Bücher der Ontologie, Kosmologie und Psychologie. Leipzig, 1879.

[2]) Т. е. эмпирическая психологія.

[3]) Wundt. Grundzüge der Physiol. Psych., 858.

концу эмпирическаго изслѣдованія“ [1]). Наконецъ о школахъ Гегеля, Шопенгауера и другихъ и толковать нечего: психологія у нихъ въ самой тѣсной связи съ метафизикой.

Во Франціи, за исключеніемъ позитивизма, у котораго вовсе нѣтъ психологіи, *большинство* психологовъ метафизики и притомъ спиритуалисты, какъ напр., П. Жане, Гарнье, Булье, Жоли и пр. только не многіе стоятъ строже на почвѣ эмпирической психологіи, какъ, напр., Рибо. Дюмонъ, какъ мы видѣли, не пугается метафизики.

Тоже можно сказать и относительно Англіи. Очень не многихъ изъ выдающихся современныхъ психологовъ Англіи могъ бы г. Гротъ счесть представителями чисто-эмпирическской психологіи, какъ, напр. Бена. Даже Спенсеръ въ своихъ „Основныхъ началахъ“ представляетъ метафизическое ученіе, общее для матеріальнаго и психическаго міра.

Итакъ, современная психологія въ лицѣ выдающихся ея представителей вовсе *не остановилась* на признаніи „разнородности психическихъ явленій“, какъ на послѣднемъ положеніи, дальше котораго идти нельзя. Конечно, она отправляется отъ этого признанія; но спрашивается, когда же психологія не отправлялась отъ этого признанія? Но какъ всегда, такъ и въ наше время психологія не останавливается на одномъ эмпирическомъ признаніи разнородности явленій, а старается объяснить ее изъ метафизическихъ началъ, лежащихъ въ основѣ бытія и міра, а также старается вскрыть корни той связи, которая существуетъ между явленіями духа и матеріи.

Да, вѣдь, и нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, эмпирическое изслѣдованіе психическихъ явленій и ихъ законовъ не завершать метафизическими гипотезами о природѣ духа въ связи съ таковыми же гипотезами о природѣ матеріи. Одна уже очевидная связь двухъ радикально различныхъ областей духа и матеріи естественно и необходимо ведетъ къ вопросу объ общей основѣ ихъ. Впрочемъ, съ этою необходимостью мы еще встрѣтимся по поводу *метафизики* самого г. Грота (ибо и самъ онъ вовсе не безгрѣшенъ по этой части), а теперь перейдемъ ко второму произвольному положенію, что будто признаніе *самостоятельности чувствованій* стало господствующимъ.

Во первыхъ, это утвержденіе не соотвѣтствуетъ фактамъ, ибо признаніе самостоятельности чувствованій далеко не господствуетъ

[1]) Psychologische Analysen, 1, 23.

между психологами. Гербартіанцы признаютъ ихъ состояніями представленій; школа Шопенгауера состояніями воли; новое направленіе, выражающееся въ особомъ органѣ въ Германіи (Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie et cet.), также склоняется къ признанію чувствованій за выраженіе воли [1]); Горвицъ напротивъ выводитъ изъ чувства другія психическія явленія; Дюмонъ, какъ мы видѣли, отвергаетъ самую реальность чувствъ.

Во вторыхъ положеніе г. Грота о „самостоятельности чувствованій" нисколько не подкрѣплено обстоятельною критикою другихъ противорѣчащихъ теорій. Мы уже видѣли образчикъ этой критики по поводу Дюмона; приведемъ и другіе. Такъ, напр., посмотримъ, какъ опровергаетъ г. Гротъ теорію Гербарта.

На стр. 319—320 изложена теорія Гербарта и на той же 320 стр. находится слѣдующее замѣчаніе. „На сколько такая теорія (т. е., Гербарта) одностороння видно изъ слѣдующаго соображенія: если удовольствіе есть результатъ побѣды одного представленія надъ другимъ, то всякое удовольствіе должно быть непремѣнно парализовано одновременнымъ и одинаково сильнымъ страданіемъ, ибо рядомъ съ побѣдившимъ представленіемъ должно всегда существовать побѣжденное, положенію котораго должно соотвѣтствовать равносильное страданіе. Очевидно, что это же соображеніе относится и къ взаимодѣйствію болѣе чѣмъ двухъ представленій". Къ этому замѣчанію г. Гротъ прибавляетъ въ видѣ приправы щепоть *перца* изъ обильной этимъ матеріаломъ книги г. Троицкаго [2]), оговорившись, правда, что перецъ очень крѣпокъ; а именно: „дикость толкованія феноменовъ чувства и воли (у Гербарта) превосходитъ всякую мѣру вѣроятности: это образчикъ психологической чепухи въ цѣломъ и въ подробностяхъ".

Что касается до замѣчанія г. Грота, то опять, къ крайнему сожалѣнію, я вижу въ немъ не опроверженіе Гербарта, а также логическую ошибку, ignoratio elenchi. Во первыхъ въ предъидущемъ изложеніи

---

[1]) Въ этомъ отношеніи рѣшительно высказался одинъ изъ редакторовъ журнала, покойный Карлъ Герингъ, въ вышеупомянутомъ сочиненіи: System d. krit. Philosophie; менѣе рѣшительно, но достаточно ясно высказано это мнѣніе и другимъ редакторомъ того же журнала, Вундтомъ, въ одной изъ статей Vierteljahrschrift'а (III Jahrgang, II Heft).

[2]) „Нѣмецкая психологія" и пр. М. М. Троицкаго.

теоріи Гербарта ничего не сказано[1]), когда, по Гербарту, наступаетъ удовольствіе, когда страданіе, между тѣмъ какъ все замѣчаніе объ односторонности его теоріи построено будто бы на нелѣпомъ выводѣ изъ гербартова понятія объ удовольствіи и страданіи. Во вторыхъ замѣчаніе г. Грота вовсе не относится какъ къ подлинной теоріи Гербарта, такъ и къ изложенію ея, сдѣланному тутъ же самимъ авторомъ „Психологіи чувствованій". Но мы, для уясненія дѣла, выпишемъ нѣсколько строкъ изъ этого изложенія. „(По Гербарту) или представленія (силы), изъ которыхъ одно стремится подавить, а другое прояснить данное третье, находятся въ *равновѣсіи*, или перевѣсъ получаетъ второе изъ нихъ, и третье, благодаря его помощи (Hilfeleistung), подымается *на* порогъ сознанія, или наконецъ превозмогаетъ первое и послѣднее еще болѣе опускается *за* порогъ сознанія. Во всѣхъ трехъ случаяхъ имѣетъ мѣсто какое нибудь чувствованіе; а въ двухъ послѣднихъ, сверхъ того желаніе".

Этого достаточно, чтобы видѣть, что „соображеніе" г. Грота вовсе не попадаетъ въ цѣль. Въ изложеніи, соотвѣтствующемъ подлинной теоріи Гербарта, ничего не сказано, что то или другое чувство есть *показатель состоянія борющихся* представленій, а что оно есть только показатель *результата борьбы* на состояніи третьяго представленія. Никакой парализаціи удовольствія страданіемъ, по теоріи Гербарта, не слѣдуетъ. Парализуютъ другъ друга не чувства, а два борящіяся представленія; при чемъ результатъ этой борьбы можетъ быть благопріятенъ или неблагопріятенъ третьему, составляющему, такъ сказать, центральный пунктъ сознанія въ данное время, что и выражается соединеннымъ съ этимъ третьимъ чувствомъ удовольствія или страданія. Такъ какъ результатъ борьбы одинъ, либо другой, то и чувство одно или другое, а *не два* парализующія другъ друга. Чувство удовольствія вовсе не соотвѣтствуетъ „положенію побѣдившаго представленія", а чувство страданія не соотвѣтствуетъ „положенію побѣжденнаго" по теоріи Гербарта: имъ *никакихъ чувствъ* не соотвѣтствуетъ,

---

[1]) Я рекомендую читателю самому справиться съ „Психологіей чувствованій", ибо дѣлать изъ нея обширныя цитаты (напр., въ данномъ случаѣ пришлось бы выписать все изложеніе теоріи Гербарта) мнѣ не позволяетъ ни время, ни мѣсто.

а соотвѣтствуетъ чувство результату ихъ борьбы въ положеніи третьяго представленія. Г. Гротъ своимъ „соображеніемъ“ опровергаетъ не Гербарта, а свое собственное изобрѣтеніе, навязанное Гербарту; и нельзя опять таки не сказать, что еслибъ онъ, „выпустивши совершенно соображеніе“, прямо посыпалъ теорію Гербарта перцемъ г. Троицкаго, то дѣло вышло бы и проще, и короче

Далѣе я нигдѣ *не могъ отыскать* критическаго отношенія г. Грота къ той теоріи, которая смотритъ на чувства, какъ на состоянія воли. Поводы къ тому были не разъ и при изложеніи древней психологіи, напр., эпикурейской, и новой, напр., Шопенгауера и Гартмана. При изложеніи теоріи чувствованій Шопенгауера мы читаемъ, что это „необычное направленіе“ въ психологіи, что оно есть „возвращеніе къ старому, парадоксально“, но почему оно несостоятельно и парадоксально, на это мы въ изложеніи г. Грота отвѣта не находимъ.

Точно также г. Гротъ не затрогиваетъ критически теорію Горвица, что изъ чувствованій развиваются всѣ другія психическія явленія. Вообще отношенія его къ этому замѣчательному психологу отличаются нѣкоторою легкостью. На стр. 376—383 онъ излагаетъ первыя четыре главы первой книги послѣдняго сочиненія Горвица—Analyse der qualitativen Gefühle—составляющаго окончаніе его „Психологическихъ Анализовъ“. Всѣ эти четыре главы, представляющія квинтъ-эссенцію теоріи чувствованій Горвица, видимо не вызываютъ сочувствія со стороны г. Грота, ибо къ концу изложенія онъ все чаще и чаще обращаетъ къ Горвицу слѣдующіе комплименты: „метафизическія формулы (Горвица) уничтожаютъ все достоинство анализа автора и въ головѣ читателя производятъ совершенную путаницу“; (стр. 380) или „(Горвицъ) начинаетъ громоздить другъ на друга громкія слова, наивно предполагая, что приближается къ истинѣ“, а между тѣмъ упражняется только въ „непроизводительной работѣ;“ (стр. 381) или „(Горвицъ) запнулся и сталъ колесить во всѣ стороны, постепенно отдаляясь отъ цѣли, достиженіе которой было такъ близко“ (стр. 383). Но, спроситъ кто либо, можетъ быть, эти комплименты суть заключенія предварительной строгой всесторонней критики? Нисколько! Кромѣ изложенія теорій Горвица, *кой-гдѣ* сопровождаемаго самими бѣглыми замѣчаніями, ничего не находится на семи страницахъ, посвященныхъ Горвицу. При этомъ не только не выяснено, *почему*, по мнѣнію г. Грота, Горвицъ „производитъ путаницу, запинается, громоздитъ, коле-

ситъ и пр.", но остается въ туманѣ и то, *въ чёмъ* именно состоятъ эти провинности. Къ сожалѣнію, я не могу цитировать здѣсь всѣ эти семь страницъ и разбирать ихъ въ подробности, но компетентный читатель можетъ вполнѣ удостовѣриться въ истинѣ моего показанія, если потрудится самъ обратиться къ вышеуказанному мѣсту „Психологіи чувствованій".

Я считаю достаточною эту краткую характеристику историческаго отдѣла сочиненія г. Грота и теперь обращусь къ теоретическому.

Прежде всего я долженъ признаться, что при первомъ бѣгломъ чтеніи сочиненія г. Грота я *восхитился* систематичностью и стройною архитектоникой теоретической его части: точно дивизія или цѣлый корпусъ на парадномъ смотру въ стройныхъ движеніяхъ развертываетъ свои симметрически расположенныя крупныя и мелкія составныя части Вездѣ и всюду въ теоріяхъ г. Грота законченность, параллелизмъ и соотвѣтствіе одного другому, вездѣ моменты или фазы вытекаютъ одинъ изъ другого въ строгомъ, непрерывномъ порядкѣ; въ количественныхъ опредѣленіяхъ у него никогда нѣтъ рогатыхъ 3-хъ, 5-ти, 7-ми и т. под., а всюду является замкнутое 2, его степени, (квадратъ, кубъ и т. д.) или, по крайней мѣрѣ, его производныя. Такъ психическій оборотъ состоитъ изъ *четырехъ* фазисовъ, *двухъ* моментовъ (*внутренняго и внѣшняго*); ощущеній *два* отдѣла по *восьми* классовъ въ каждомъ гармонія или дисгармонія отношеній сводится *къ четыремъ* случаямъ; законовъ осложненія чувствованій *шесть*; первоначальныхъ чувствованій *шестьдесятъ четыре* (кубъ четырехъ); нигдѣ нѣтъ *разрыва*, *выпаденія* членовъ; словомъ, все *гладко*, *симметрично*, *парно и чётно*. Но при болѣе внимательномъ чтеніи теоритическаго отдѣла „Психологіи чувствованій" оказалось, что вся эта архитектоника и систематичность дорого достались ея почтенному автору. Для нихъ онъ жертвовалъ ясностью понятій и грѣшилъ ихъ смѣшеніемъ; для нихъ не пугался противорѣчій и не останавливался передъ насиліемъ надъ фактами; для нихъ онъ вдался даже въ весьма рискованныя „метафизическія тонкости".

Первый и самый главный пунктъ въ теоріи г. Грота, возбуждающій во мнѣ недоумѣніе, представляется въ его воззрѣніяхъ на предметъ психологіи. Недоумѣніе возникло слѣдующимъ образомъ. На стр. 425 авторъ задается вопросомъ объ „общемъ характерѣ элементовъ психической дѣятельности". Совершенно вѣрно, по моему, авторъ для разрѣшенія этого вопроса обращается къ внутреннему опыту. На

основаніи этого послѣдняго г. Гротъ характеризуетъ психическія явленіяі такимъ образомъ.

„Психическія явленія ничего не имѣютъ сходнаго съ тѣлами внѣшней среды, ибо почти всѣ тѣла мы представляемъ себѣ доступными оцѣнкѣ, по крайней мѣрѣ, чувствъ—зрѣнія и осязанія, что невозможно по отношенію къ психическимъ явленіямъ. Рядомъ съ тѣлами мы различаемъ явленія внѣшняго міра, доступныя только зрѣнію или слуху, но не осязаемыя: таковы—явленія свѣта, звука, теплоты, электричества. Очевидно съ этими *физическими* явленіями психическія явленія тоже нельзя сравнивать; ибо послѣднія недоступны никакимъ внѣшнимъ чувствамъ. Кромѣ *тѣлъ* и *явленій* точная наука еще можетъ имѣть дѣло съ процессами, каковы—пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе, ростъ, воспроизведеніе, которые часто[1]) не бываютъ прямо доступны чувствамъ; а только представляютъ особыя измѣненія другихъ[2]) доступныхъ чувствамъ предметовъ. Съ такими процессами психическія явленія, очевидно, имѣютъ аналогію, ибо и они представляютъ собою особаго рода измѣненія въ доступномъ чувствамъ предметѣ—организмѣ и несомнѣнно должны быть пріурочены къ различнымъ его тканямъ, безъ участія которыхъ ни одна психическая дѣятельность не совершается. Итакъ, психическія явленія могутъ быть уподобляемы съ извѣстной точки зрѣнія физическимъ процессамъ и только поэтому и могутъ быть доступны научному изслѣдованію“. Стр. (426).

Съ первыми тремя предложеніями этой цитаты я вполнѣ согласенъ: психическія явленія „недоступны никакимъ внѣшнимъ чувствамъ“ и тѣмъ радикально отличаются отъ физическихъ тѣлъ и явленій. Недоумѣніе мое начинается съ четвертаго: прежде всего оно вызывается уже шаткостью выраженій самого автора. Не ужели только *„часто“*, спрашиваю я, процессы бываютъ „недоступны чувствамъ“? Я, признаюсь, до сихъ поръ думалъ что процессы *никогда* не доступны чувствамъ, что имъ доступны только измѣняющіяся явленія и что то, что называется процессомъ, есть только понятіе, въ которомъ мыслятся перемѣны явленій. Да и притомъ какъ будто только тѣ процессы „представляютъ особыя измѣненія другихъ доступныхъ чувствамъ предметовъ, которые

---

[1]) А иногда, значитъ, бываютъ?

[2]) Какихъ другихъ?

не бываютъ прямо доступны чувствамъ"? Неужели же какой ибо физическій процессъ не состоитъ въ измѣненіи предметовъ? По моему, гдѣ нѣтъ перемѣны, тамъ нѣтъ и процесса. Далѣе авторъ находитъ, что „психическія явленія имѣютъ аналогію" съ тѣми процессами, которые „представляютъ измѣненія въ доступномъ чувствамъ предметѣ". Но въ такомъ случаѣ почему бы психическимъ явленіямъ не имѣть аналогіи со всѣми процессами, ибо всѣ, какъ сказано, состоятъ въ измѣненіяхъ предметовъ, доступныхъ чувствамъ (конечно, за исключеніемъ психическихъ процессовъ)? Наконецъ если психическія явленія аналогичны съ процессами, то почему они не аналогичны съ явленіями? Вѣдь, какъ процессы (рост-ъ, пищеварені-е и пр.), такъ и явленія (рост-а, пищеварені-я) происходятъ въ организмѣ? Но тогда куда дѣнется вышеозначенное утвержденіе, что психическія явленія *не сравнимы* съ физическими (ибо, надѣюсь, явленія въ организмѣ суть физическія)? Наконецъ не могу постигнуть я и того, какъ могутъ быть аналогіи между процессами и явленіями? Вѣдь, первое правило для аналогіи состоитъ въ томъ, чтобы приводимые въ аналогическую связь предметы имѣли сходными существенные признаки, а можно ли ожидать такого сходства отъ предметовъ, принадлежащихъ къ различнымъ категоріямъ; могутъ ли быть, однимъ словомъ, *явленія* (принадлежащія къ категоріи вещей) *аналогичны процессамъ* (принадлежащимъ къ категоріи дѣйствій)?

Но высшаго пункта достигаетъ мое недоумѣніе тогда, когда я читаю, что „психическія явленія представляютъ особыя измѣненія въ организмѣ". Да неужели же можно *точно и научно* утверждать, что мысли, чувствованія, желанія находятся въ организмѣ и „пріурочены къ его тканямъ" (что значитъ это—пріурочены? не то-ли, что психическія явленія составляютъ „особыя измѣненія тканей")? Но сомнѣваться, что именно это не обмолвка, а дѣйствительное мнѣніе г. Грота, невозможно. Во первыхъ многія мѣста „Психологіи чувствованій" свидѣтельствуютъ, что ея авторъ думаетъ, что психологія изслѣдуетъ „одинъ и тотъ же объектъ" съ физіологіей, анатоміей и пр. (стр. 422), что „психическая жизнь несомнѣнно составляетъ только частную область цѣлой жизни организма„ (стр. 423) и т. под.; далѣе тѣже воззрѣнія высказываются въ теоріяхъ, изложенныхъ на стр. 427 и слѣд., которымъ мы займемся ниже. Если дѣйствительно психическія явленія находятто въ организмѣ, если они суть особыя явленія органической жизни, ия

зачѣмъ же авторъ утверждалъ, что они не имѣютъ ничего сходнаго съ физическими явленіями, что они недоступны чувствамъ и пр. Вѣдь, все, что совершается въ организмѣ *есть, можетъ и должно быть* доступно чувствамъ, простымъ или вооруженнымъ, по той простой причинѣ, что имъ доступно все пространственно-матеріальное. *Пространственно-матеріальное и доступное внѣшнимъ чувствамъ*—это однозначущіе термины. Организмъ же всецѣло пространственно-матеріаленъ, или иначе, всѣ явленія и измѣненія его *доступны* внѣшнимъ чувствамъ. Но такъ какъ психическія явленія *не доступны* чувствамъ (т. е. они *не* пространственны и *не* матеріальны), то они *не суть* органическія явленія, *не находятся* въ организмѣ, *не составляютъ* особыхъ измѣненій органическихъ тканей и вовсе *не составляютъ* объекта для физіологіи, анатоміи и другихъ естественныхъ наукъ, наукъ о тѣлахъ и ихъ движеніяхъ, Не только психическія явленія *не находятся* въ организмѣ, но они *нигдѣ не находятся*, ибо они *не находятся въ пространствѣ, а существуютъ только во времени.* Что наивное, не развитое философски воззрѣніе помѣщаетъ ихъ въ тѣлѣ, въ головѣ, въ мозгу и т. под., и далѣе что вообще мы о не пространственномъ выражаемся метафорически пространственно [1]), то это нисколько не даетъ права переносить наивности въ психологическую науку и въ серьезъ исповѣдовать, что психическія явленія суть только особыя явленія организма. Конечно, психическія явленія, существующія только во времени, имѣютъ несомнѣнную связь и соотношеніе съ явленіями, существующими во времени и пространствѣ; но простымъ смѣшеніемъ понятій о тѣхъ и другихъ еще нисколько не вскрывается характеръ и природа этой связи и соотношенія. Для этого нужны многія и долгія „праздныя словопренія, или метафизическія тонкости“, къ которымъ во первыхъ я не обязанъ и для которыхъ во вторыхъ не имѣю мѣста и времени Но, впрочемъ, для изслѣдованія этой связи и совсѣмъ нѣтъ надобности въ моихъ „праздныхъ словопреніяхъ“, ибо таковыя предлагаетъ самъ почтенный авторъ. Къ нимъ мы и обратимся.

Дѣло (стр. 427 и слѣд.) идетъ о психическомъ оборотѣ, объ установкѣ „его элементовъ“. Для этой цѣли автору понадобилось

---

[1]) Такъ, напр., когда говоримъ, что мысли и чувства совершаются *въ* духѣ, находятся въ сознаніи и т. п.

„*общее опредѣленіе жизни*“, выработанное біологіей. (Стр. 423). Я, признаюсь, изъ разсужденій автора на стр. 422—428 совсѣмъ не вижу, къ чему тутъ „біологія, физіологія, и анатомія“, и думаю, что онѣ служатъ чѣмъ-то въ родѣ ученаго колпака и мантіи для того чтобы импонировать отечественному читателю, какъ извѣстно, большому охотнику до словъ: наука, научный, точный, положительный, эмпирическій, физіологическій и т. д. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, для установки „элементовъ психической дѣятельности“ ничего нѣтъ надежнѣе внутренняго опыта, который непосредственно указываетъ на рѣзкое отличіе психическихъ явленій другъ отъ друга. Далѣе не вѣрится мнѣ, чтобы біологія, которая сама основана на физіологіи и анатоміи, могла оказать помощь въ установкѣ „психическихъ элементовъ“, тогда какъ, по собственному указанію автора, „помощь физіологіи въ этомъ дѣлѣ въ настоящее время можетъ быть лишь весьма ничтожна“? Но какъ бы то ни было, „біологія, по мнѣнію автора, можетъ оказать требуемое содѣйствіе, потому что, вслѣдствіе характера своихъ пріемовъ, широко сравнительныхъ, она значительно опередила физіологію въ опредѣленіи законовъ существованія и развитія организмовъ“. Въ этомъ утвержденіи для меня во первыхъ не ясно выраженіе: „пріемы, широко сравнительные“, а во вторыхъ никакъ не могу допустить, чтобы біологія могла опередить физіологію, не смотря на „широко-сравнительные пріемы“. Не допускаю я на томъ основаніи, что біологія только тогда и можетъ „широко-сравнивать“, когда физіологіей и анатоміей *подготовлены матеріалы* для сравненія, т. е, когда ими изучены законы строенія и отправленія разнородныхъ организмовъ, животныхъ и даже растительныхъ. Но самъ же авторъ весьма справедливо замѣчаетъ (стр. 422, 425), что и анатомія, и физіологія „имѣютъ существенные пробѣлы“ именно въ нервной системѣ, особенно связанной съ психическими явленіями. Да и вообще едва ли можно считать біологію за прочно установившуюся науку въ ряду наукъ естественныхъ, и брать изъ нея опредѣленіе жизни для того, чтобы на основаніи этого опредѣленія разрѣшать капитальнѣйшій вопросъ другой науки, именно, психологіи. Кл. *Бернаръ* въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій (Leçons sur les phénomenes de la vie commune aux animaux et vegetaux 1878) говоритъ, что понятіе жизни есть послѣднее понятіе, которое можетъ быть опредѣлено: оно не на порогѣ науки о жизни, а въ концѣ, какъ ея идеалъ. Не забудемъ, что это говорилъ человѣкъ стоявшій на самой вершинѣ

естествовѣденія и нѣсколько лѣтъ искавшій рѣшенія вопроса о жизни[1]) По этому понятно, что г. Гротъ беретъ опредѣленіе жизни *не у* кого било изъ *представителей естествовъденія*, а у одного изъ философовъ, именно, у Спенсера, и беретъ не потому, конечно, чтобы спенсерово опредѣленіе было общепринято представителями біологіи, а потому что оно *сподручнѣе для психологическихъ теорій* самого почтеннаго автора. Я ничего, конечно, не имѣю противъ того, что онъ предпочелъ примкнуть въ понятіи о жизни къ Спенсеру, а не къ другому философу, но я недоумѣваю, зачѣмъ этому *примкновенію къ одному изъ философовъ* предшествовалъ разговоръ объ анатоміи, физіологіи, біологіи, о *пробѣлахъ* въ первыхъ, о *плодотворныхъ обобщеніяхъ* послѣдней и т. под. *научностяхъ*. Недоумѣваю и, грѣшный человѣкъ, думаю, что они составляли пикантный соусъ, подъ которымъ отечественный читатель долженствовалъ *проглотить* „метафизическія тонкости“ г. Грота въ качествѣ питательнаго блюда изъ *точной, современной, положительной науки*.

Итакъ, *не просто* изъ біологіи, а изъ біологіи Спенсера взято г. Гротомъ опредѣленіе жизни, нѣсколько поправлено и приложено къ психической жизни. Въ результатѣ этого приложенія оказалось, что психическая жизнь организма есть такое взаимодѣйствіе его съ внѣшнею средою, въ которомъ они обмѣниваются „силами или впечатлѣніями“ (428). Этотъ обмѣнъ, по автору, составляетъ контрастъ съ „физическою жизнью“ организма, состоящею въ обмѣнѣ его съ внѣшнею средою „веществами“.

Такое опредѣленіе психической жизни опять вызываетъ недоумѣніе. Прежде всего я не могу понять, какъ *организмъ* можетъ *получать впечатлѣнія* отъ внѣшней среды, ибо терминъ: впечатлѣніе, имѣетъ смыслъ только при условіи взаимодѣйствія *не* организма съ внѣшней средой, *а* духа съ внѣшней средой, включая въ эту послѣднюю и самый организмъ. Организмъ же, какъ и все матеріальное, можетъ обмѣниваться съ внѣшнею средою (также матеріальною) только веществами и движеніями, толчками, ударами (или, пожалуй, силами). Да и

---

[1]) Кл. Бернаръ въ музеумѣ, состоящемъ при Jardin des Plantes въ Парижѣ, нѣсколько лѣтъ сряду передъ своею смертью читалъ своимъ слушателямъ курсъ біологіи подъ именемъ: physiologie generale.

какъ можно раздѣлить вещество отъ силы? Когда въ животный организмъ войдетъ извнѣ какое либо вещество въ качествѣ пищи, то развѣ ео ipso вмѣстѣ съ этимъ веществомъ не войдетъ присущихъ ему силъ (тепла, электричества и пр.). Я опять таки утверждаю, что внѣшній міръ на организмъ *никакихъ впечатлѣній* производить не можетъ подобно тому, какъ молотъ не можетъ, напр., производить впечатлѣній на желѣзо или наковальню, если мы только не предположимъ у нея духа. Толчки, которые получаетъ организмъ извнѣ отъ механическихъ движеній, волнъ эфира, волнъ воздуха и пр., становятся въ организмѣ *не впечатлѣніями*, а разнообразными *движеніями* же его тканей и наконецъ превращаются въ движенія цѣлаго организма или его членовъ, обращенныя въ свою очередь на предметы внѣшней среды и производящія тамъ опять таки разнообразныя молекулярныя и массовыя движенія. *Впечатлѣніями* же эти толчки и движенія внѣшней среды *становятся*, говоря фигурально, только *въ духѣ* Или, говоря точнѣе, параллельно съ движеніями, происходящими въ нервныхъ тканяхъ организма по поводу внѣшнихъ толчковъ, возникаютъ не въ организмѣ, а, какъ было уже сказано, пигдѣ (въ духѣ), т. е., проходятъ въ формѣ одного времени, психическія явленія, т. е., ощущенія, представленія, мысли, чувства, при чѣмъ, конечно, самъ организмъ со всѣми его тканями и наконецъ весь пространственный міръ съ его тѣлами и движеніями есть ничто иное, какъ *одно изъ* этихъ *психическихъ явленій,* проходящихъ во времени.

Все, что я здѣсь утверждаю, вовсе не есть какая либо метафизика, а просто основной фактъ различія міра психическаго отъ физическаго, явно или молчаливо признаваемый многими современными философами и психологами и рѣзко отмѣченный еще въ XVIII вѣкѣ такими мыслителями, какъ, напр., Юмъ и Кантъ. Игнорируютъ же этотъ фактъ или наивные реалисты и позитивисты, никогда не задумывавшіеся надъ вопросами теоріи познанія, или же метафизики—матеріалисты, упорно отождествляющіе движенія въ организмѣ съ психическими явленіями, т. е., происходящее въ пространствѣ съ непроисходящимъ въ нёмъ. Въ опредѣленіи психической жизни, данномъ г. Гротомъ, мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ матеріалистическими „метафизическими тонкостями“, при чѣмъ допускаемъ возможность, что почтенный авторъ „Психологіи чувствованій“ ясно не сознавалъ свое впаденіе въ оныя „тонкости“ и считалъ ихъ за положительную науку. Что же касается

до факта впаденія въ „тонкости“, то въ нёмъ не останется никакого сомнѣнія, когда мы обратимъ вниманіе на слѣдующую за опредѣленіемъ психической жизни теорію взаимодѣйствія организма съ внѣшнею средой. На стр. 429 мы читаемъ слѣдующее.

„Во всякомъ взаимодѣйствіи одного предмета съ другимъ, даже если оба принадлежатъ къ неорганической природѣ, надо различать моментъ дѣйствія на предметъ, т. е., претерпѣванія имъ на себѣ дѣйствія другаго предмета, отъ момента *собственнаго* дѣйствія его, т. е., противодѣйствія или отвѣтнаго дѣйствія. Затѣмъ надо различать *внѣшній* и *внутренній* моментъ каждаго взаимодѣйствія одного предмета съ другимъ. Внѣшній моментъ есть, иначе сказать, моментъ *непосредственнаго* взаимодѣйствія предмета съ другимъ предметомъ, внутренній моментъ есть моментъ *посредственнаго* взаимодѣйствія—между частями даннаго предмета, имѣющій задачею переработать сообщенный предмету внѣшній импульсъ сообразно съ внутренними условіями, ему присущими. Такая внутренняя переработка импульса тоже имѣетъ мѣсто не только въ организмахъ, но и въ неорганической матеріи, ибо только ею и можно объяснить извѣстный фактъ превращенія движенія изъ одного вида въ другой,—когда напр., какой нибудь химическій элементъ подъ вліяніемъ свѣта измѣняетъ свой запахъ, когда лучистая теплота вызываетъ увеличеніе объема какого нибудь тѣла, когда электричество, встрѣчая сопротивленіе, превращается въ теплоту и т. д. Въ организмахъ, особенно животныхъ, представляющихъ болѣе сложное внутреннее строеніе, такое превращеніе однихъ силъ или движеній въ другія, подъ вліяніемъ внутренняго взаимодѣйствія частей, бываетъ еще болѣе значительно и замѣтно. Достаточно указать, напр., на возможность превращенія свѣтовыхъ впечатлѣній, дѣйствующимъ на глазъ и имѣющихъ источникомъ фотографическое изображеніе „умершаго друга“, въ рядъ внутреннихъ волненій, вызывающихъ сокращеніе различныхъ мускуловъ лица, выдѣленіе железъ (слёзы) и т. д. Стало быть, остается только указать, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ психической дѣятельности организмовъ, на характеръ отношенія между моментами дѣйствія и противодѣйствія съ одной стороны и моментами внѣшняго и внутренняго взаимодѣйствія съ другой. Что моментъ внѣшняго соприкосновенія съ средою составляетъ необходимую принадлежность какъ дѣйствія, такъ и противодѣйствія, для всякаго очевидно, ибо сначала предметъ *a* дѣйствуетъ на организмъ *A*,—потомъ, въ отвѣтъ

на это, организмъ *A* дѣйствуетъ или, по крайней мѣрѣ, старается дѣйствовать обратно на предметъ *a*. Надо только рѣшить, присущъ ли и внутренній моментъ развитія какъ дѣйствію на организмъ, такъ и противодѣйствію. Несомнѣнно, что прежде всего „приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ“ состоитъ въ переработкѣ впечатлѣнія извнѣ въ такое внутреннее *впечатлѣніе* же, которое бы соотвѣтствовало наличнымъ внутреннимъ условіямъ существованія организма. Безъ этого превращенія впечатлѣніе не можетъ сдѣлаться мотивомъ для одного отвѣта организма предпочтительно передъ какимъ нибудь другимъ. Затѣмъ, точно также несомнѣнно и то, что внутреннее впечатлѣніе, прежде тѣмъ превратиться въ наружное движеніе или дѣйствіе, должно вызвать рядъ внутреннихъ движеній, которыя бы послужили импульсомъ для внѣшнихъ.—Такимъ образомъ каждый полный оборотъ долженъ заключать въ себѣ четыре момента или фазиса“. (430).

Но мы уже выше познакомились съ этими моментами, состоящими изъ ощущеній, чувствованій, стремленій и движеній.

Изъ этой цитаты вполнѣ ясно, что г. Гротъ съ одной стороны приводитъ въ *причинную связь* физическія явленія съ психическими и признаетъ *превращеніе однихъ въ другія*, что и составляетъ основное положеніе матеріализма. Механическія движенія, идущія изъ внѣшней среды „перерабатываются“ въ различные моменты психическихъ состояній, (которыя, по автору, суть органическія состоянія), именно, въ ощущенія, чувствованія, хотѣнія, которыя въ свою очередь превращаются въ движенія организма и далѣе въ движенія тѣлъ внѣшней среды. Такъ, по г. Гроту, „свѣтовыя впечатлѣнія“ (т. е., волны эфира), превращаются въ образъ „умершаго друга“, а этотъ послѣдній въ „рядъ внутреннихъ волненій“ (т. е., чувствъ); далѣе эти волненія вызываютъ (и превращаются?) „сокращеніе мускуловъ лица, выдѣленіе желѣзъ и т. д.“ словомъ, для г. Грота различныя физическія движенія (электрическія, тепловыя, и пр.) точно также превращаются въ ощущенія представленія, „внутренія волненія“, какъ тѣже самыя движенія одного рода превращаются въ движенія другаго рода (напр. „теплота въ механическое движеніе, электричество въ теплоту и т. д.“).

Эта матеріалистическая метафизика не только не есть ученіе точныхъ наукъ, но даже *отвергается* выдающимися представителями естествовѣденія. Довольно напомнить о знаменитой рѣчи Дюбуа-Реймонда: „О предѣлахъ естествознанія“. Въ ней положительно отвергается

какъ причинное отношеніе между матеріальными и психическими явленіями, такъ и возможность превращенія матеріальныхъ движеній въ явленія сознанія[1]). Да и какъ возможно причинное отношеніе, какъ указано было выше, между совершенно разнородными предметами, между движеніями, существующими въ пространствѣ, и тѣмъ, что въ пространствѣ не существуетъ, а слѣдовательно, и двигаться не можетъ. Хотя мы вообще привыкли къ *метафорическому* представленію времени подъ видомъ прямой линіи и далѣе *измѣряемъ* объективно время пространственными движеніями, но все таки о движеніяхъ психическихъ явленій можно говорить только фигурально: въ нематеріальной сферѣ сознанія, строго говоря, есть только *смѣна состояній*, а не движеніе Причинами психическихъ явленій могутъ быть только таковыя же явленія, а не движенія матеріальныхъ (все равно: органическихъ ли, или неорганическихъ) тѣлъ или частицъ; точно также и слѣдствіями психическихъ явленій могутъ быть не движенія организма или его членовъ и далѣе внѣшнихъ организму тѣлъ, а психическія же явленія. Что же касается до превращенія движеній внѣшней среды въ психическія явленія, то ему рѣшительно противорѣчитъ основной физическій *законъ сохраненія силы*. Законъ этотъ требуетъ, чтобы всякое механическое движеніе сохранялось въ той или другой формѣ механическаго же движенія, живаго или потенціальнаго. Волны эѳира, исходящія „отъ фотографическаго изображенія“, превращаются въ молекулярныя движенія нервной системы и далѣе въ движенія мускуловъ лица, движенія желѣзъ и ихъ содержимаго и т. под., но не превращаются въ образъ „умершаго друга“ и, „въ рядъ внутреннихъ волненій“. Если бы такое превращеніе совершалось, то законъ сохраненія силы не имѣлъ бы значенія, ибо тогда, съ механической точки зрѣнія, часть силы *превращалась бы въ ничто*. Словомъ, колебанія эфира, электрическое движеніе и прочія формы проявленія силы могутъ превращаться только въ другія формы физико-химическихъ силъ, но не въ явленія сознанія. Поэтому организмъ можетъ, сколько ему угодно, находиться, и находится во „взаимодѣйствіи“ съ „внѣшней средой“, но въ немъ не принимаетъ никакого участія сознаніе, или „внутренній моментъ“ г. Грота. Ужь если дѣло пошло на *указаніе* „внутренняго момента“ во взаимодѣйствіи организма

---

[1]) См. особенно стр. 23 и слѣд. въ русскомъ переводѣ этой рѣчи Е. Милославской.

съ внѣшнею средою, то должно искать его въ разнообразныхъ *физіологическихъ процессахъ*, совершающихся въ различныхъ тканяхъ организма и сводящихся къ различнымъ формамъ движенія.

Теперь отъ метафизики г. Грота обратимся къ его психологіи, именно, къ теоріи психическаго оборота Какъ мы видѣли выше, авторъ считаетъ его состоящимъ изъ четырехъ моментовъ и включаетъ въ психическія явленія движенія. Это весьма *крупное нововведеніе* въ психологію со стороны автора и, какъ таковое, должно бы быть тщательно *обосновано и оправдано*. Но, къ сожалѣнію, этой обосновки и оправданія не дано. Всѣ указанія на предшественниковъ, сдѣланныя на стр. 435—437, свидѣтельствуютъ только о томъ, что нѣкоторые психологи дѣлили на 4 класса всѣ психическія явленія. Но, какъ видно изъ тѣхъ же указаній, это дѣленіе истекало изъ *недоразумѣній и смѣшенія понятій* во первыхъ, а во вторыхъ вовсе не соотвѣтствовало, по своей сущности, дѣленію г. Грота [1]). Значитъ, причисленіе движеній къ психической области есть вполнѣ нововведеніе г. Грота, нововведеніе, въ которомъ онъ расходится со всѣми лучшими современными психологами. Между тѣмъ оно не только надлежащимъ образомъ не обставлено, но мы даже до сихъ поръ не могли уяснить себѣ, что разумѣетъ почтенный авторъ „подъ движеніями, какъ первоначальными психическими явленіями“ (стр. 432). Далѣе мы не понимаемъ, считаетъ ли г. Гротъ этотъ открытый имъ классъ психическихъ явленій *пропущеннымъ* современными психологами, которые знаютъ только три класса, или же не пропущеннымъ, но *неправильно включеннымъ* въ какой либо другой классъ. Въ общепринятой психологіи признано, что движеніямъ организма или

---

[1]) Самъ г. Гротъ находитъ, по видимому, что его дѣленіе психическихъ явленій ближе всего къ дѣленію Аристотеля. Но уже изъ собственнаго его изложенія ученія Аристотеля о способностяхъ души (стр 19—23) видно, что, хотя этотъ философъ и считалъ движенія тѣла и въ тѣлѣ за проявленія души, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ, повидимому, понимаетъ это авторъ „Психологіи чувствованій“. Для Аристотеля и ростъ, и питаніе, и другія матеріальныя физіологическія явленія, были, наравнѣ съ движеніями, явленіями душевными. Но г. Гротъ считаетъ психическія явленія не воспринимаемыми чувствами и доступными только внутреннему опыту, а потому движенія тѣла и его частей, какъ доступныя внѣшнимъ чувствамъ, для него не должны бы быть явленіями психическими.

его частей, совершающимся посредствомъ мускульныхъ сокращеній, во внутреннемъ опытѣ соотвѣтствуютъ ощущенія мускульнаго чувства. Эти мускульныя ощущенія нѣкоторые психологи отличаютъ отъ органическихъ мускульныхъ ощущеній (означающихъ больное или здоровое состояніе мускуловъ, ихъ утомленіе и т. п.). Такъ Вундтъ (Phys Ps. 316) называетъ первыя—Innervationsgefuhle, а вторыя—Muskelgefuhle im engerem Sinne. При этомъ существуютъ различныя гипотезы о происхожденіи первыхъ мускульныхъ чувствъ или ощущеній. Такъ Вундтъ и Бенъ считаютъ, что они центральнаго происхожденія, т. е., что они выражаютъ нервный токъ, идущій отъ центральныхъ органовъ; другіе же психологи и физіологи считаютъ, что они периферическаго происхожденія; нѣкоторые же совсѣмъ ихъ отрицаютъ и сводятъ на осязательныя ощущенія. Но какъ бы то ни было, можно было подумать, что г. Гротъ *выдѣляетъ* эти мускульныя ощущенія или чувства (вундтовскія — Innervationsgefuhle) изъ класса ощущеній и образуетъ изъ нихъ особый классъ движеній. Но, какъ видно изъ таблицы ощущеній на стр. 450 „Психологіи чувствованій", *оба вида* мускульныхъ ощущеній (т. е., вундтовскіе Innervationsgefuhle и Muskelgefuhle im eng. Sinne) помѣщены въ классѣ ощущеній и притомъ „мускульныя ощущенія" въ отдѣлѣ внѣшнихъ, а „мускульно-органическія ощущенія" въ отдѣлѣ внутреннихъ ощущеній. Далѣе въ примѣчаніи на стр. 432 г. Гротъ удивляется, что Рибо въ статьѣ „Role psychologique des mouvements" (Revue philosoph., 1879, № 10) имѣетъ въ виду „исключительно мускульныя ощущенія", а не 4-й классъ психическихъ явленій, установленный г. Гротомъ [1]). Итакъ, несомнѣнно, что этотъ 4-й классъ вовсе не состоитъ изъ мускульныхъ ощущеній; но тогда я или долженъ сознаться, что не могу придумать, изъ чего бы онъ могъ состоять, или же долженъ *предположить*, что г. Гротъ разумѣетъ подъ „движеніями, какъ первоначальными психическими явленіями", движенія

[1]) Что касается до меня, то я, конечно, нисколько не удивляюсь, что Рибо въ этой статьѣ, говоря о движеніяхъ съ психической точки зрѣнія, имѣетъ въ виду „исключительно мускульныя ощущенія", ибо движенія во внутреннемъ опытѣ ничѣмъ другимъ, кромѣ этихъ ощущеній, непосредственно не выражаются. Впрочемъ, на основаніи цѣлаго содержанія статьи Рибо, я нахожу, что ей не соотвѣтствуетъ заглавіе; по моему лучше было бы замѣнить его такимъ: „психологическая роль мускульныхъ ощущеній".

организма и его частей, данныя во внѣшнемъ опытѣ, т. е., перемѣну мѣста въ пространствѣ цѣлымъ организмомъ или его частями. Что это предположеніе имѣетъ за себя нѣкоторую *вѣроятность*, видно изъ того, что въ таблицѣ на стр. 432 „движеніямъ, какъ первоначальнымъ психическимъ явленіямъ“ соотвѣтствуютъ „дѣйствія и поступки, какъ осложненныя психическія явленія“, подобно тому, какъ напр., „ощущеніямъ или стремленіямъ, какъ первоначальнымъ психическимъ явленіямъ“ соотвѣтствуютъ „представленія и понятія или желанія и хотѣнія, какъ осложненныя психическія явленія“. Дѣло въ томъ, что то, что мы называемъ дѣйствіемъ или поступкомъ, можетъ быть разсматриваемо *только* съ двухъ сторонъ: или какъ хотѣніе и желаніе, т. е., какъ психическій актъ воли, или какъ комплексъ механическихъ движеній рукъ, ногъ и другихъ членовъ тѣла. Такъ, напр., дѣйствіе кражи состоитъ съ одной стороны изъ цѣлаго комплекса различныхъ чувствъ и представленій, въ которыхъ выражается рѣшительная воля обладать чужою вещью, а съ другой изъ комплекса различныхъ движеній, посредствомъ которыхъ части тѣла приводятся въ соприкосновеніе съ нею. Такъ какъ подлинно психическая сторона всякаго „дѣйствія или поступка“, т. е, „желаніе и хотѣніе“, отнесена г. Гротомъ къ 3-му классу психическихъ явленій, т. е., къ области воли, или къ „осложненнымъ стремленіямъ“, то на долю 4-го класса психическихъ явленій, т. е, области дѣятельности, *ничего болѣе не остается*, кромѣ механическихъ движеній организма или его частей. Но такъ какъ механическія движенія могутъ быть чувственно наблюдаемы (конечно, не непосредственно, а) посредствомъ перемѣны въ разстояніяхъ матеріально-пространственныхъ явленій, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что для г Грота матеріально-пространственное, т. е., доступное внѣшнимъ чувствамъ принадлежитъ къ психическимъ явленіямъ. Такимъ образомъ, какая бы то ни было, граница между психическимъ и не психическимъ (физическимъ) міромъ стирается и различіе между физіологіей (наукой о движеніяхъ въ организмѣ) и психологіей (тоже, по г. Гроту, наукой и о движеніяхъ) падаетъ. Но тогда, затѣмъ же почтенный авторъ различалъ области чувственно-познаваемыхъ и чувственно-непознаваемыхъ объектовъ. Значитъ, то различеніе было мнимое и составляло нѣкую мистификацію для читателя. Наконецъ, если движенія организма и его частей составляютъ тоже психическія явленія, то едва ли можно имъ назначить въ психическомъ оборотѣ то

мѣсто, которое имъ назначено въ „Психологіи чувствованій“. Такъ какъ движенія организма и его частей существуютъ уже въ *утробной жизни* человѣка, то они, въ качествѣ психическихъ явленій, должны предшествовать и ощущеніямъ, и чувствованіямъ, и стремленіямъ... Итакъ, съ какой стороны ни посмотришь на включеніе движеній въ психическій оборотъ, оно представляется *произвольнымъ*; и, по видимому, *главнымъ мотивомъ*, побуждавшимъ почтеннаго автора къ такому нововведенію, было то, что при обычной трехчленной классификаціи психическихъ явленій нарушалась бы симметричность его системы. Вдругъ тогда оказалось бы, что внутренній моментъ взаимодѣйствія организма съ средой состоялъ бы изъ двухъ фазисовъ субъективной воспріимчивости и субъективной дѣятельности, а внѣшній только изъ одного фазиса объективной воспріимчивости, фазиса же объективной дѣятельности не доставало бы; но такого скандала въ системѣ, состоящей изъ парныхъ и четныхъ отношеній, г. Гротъ потерпѣть не могъ и притянулъ въ качествѣ недостающаго фазиса движенія.

Но намъ слѣдуетъ же когда нибудь выбраться изъ этого нескончаемаго *смѣшенія понятій* и заняться заправской психологіей автора, по скольку таковая найдется. Попробуемъ взглянуть на постановку подлинно психическихъ явленій, т. е., областей познанія, чувствованія и воли.

Какъ мы уже указали въ изложеніи теоріи автора, онъ полагаетъ, что изъ ощущеній „возникаютъ“ чувствованія, а изъ нихъ стремленія; иначе говоря, ощущенія служатъ „основаніемъ, причиною“ чувствованій и предшествуютъ имъ, а чувствованія въ свою очередь основаніемъ, причиною стремленій и предшествуютъ имъ. Но на чёмъ это мнѣніе основано, спроситъ кто либо? Ни на чёмъ другомъ, отвѣчаю, кромѣ вышеуказанной теоріи взаимодѣйствія организма съ средою, а оно на опредѣленіи жизни, взятомъ у Спенсера: никакихъ фактовъ или наблюденій, или же никакихъ основанныхъ на спеціальныхъ фактахъ или наблюденіяхъ заключеній въ основаніе этого мнѣнія не положено; и оно оказывается въ противорѣчіи какъ фактамъ, такъ и воззрѣніямъ представителей современной психологіи. Чѣмъ ниже спустимся мы по лѣстницѣ животныхъ, тѣмъ съ большею вѣроятностью можно думать, что психическая жизнь простѣйшихъ животныхъ состоитъ изъ чувствъ и влеченій и что эти психическія явленія предшествуютъ познавательному элементу, т. е., ощущеніямъ. Различныя внѣшнія движенія какихъ либо монеръ,

амёбъ, корненожекъ и т. п. вѣрнѣе всего связаны съ чувствованіями, аналогичными нашимъ чувствамъ боли или удовольствія, чѣмъ съ ощущеніями, аналогичными нашимъ объективнымъ ощущеніямъ. Но оставя въ сторонѣ предположенія о психической жизни простѣйшихъ животныхъ, лишенныхъ нервной системы, и имѣя въ виду выше стоящія существа и человѣка, должно думать, что первыя стадіи ихъ психической жизни скорѣе всего представляютъ состоянія, близкія къ чистымъ состояніямъ чувствъ довольства и недовольства. Еще въ утробной жизни человѣку должно быть знакомо то неясное общее органическое чувство довольства или недовольства, происходящее отъ нормальнаго или ненормальнаго теченія растительныхъ функцій въ организмѣ; по крайней мѣрѣ, право заключать о томъ даютъ намъ движенія зародыша, совершающіяся въ утробѣ матерней. Даже въ первое время послѣ рожденія ощущенія дѣтей, получаемыя отъ внѣшнихъ чувствъ, играютъ сравнительно незначительную роль съ общимъ органическимъ чувствомъ (нѣм. Gemeingefühl), чувствами голода, жажды и т. под. Но если пріоритетъ чувствъ и влеченій надъ ощущеніями и другими познавательными элементами и можетъ быть оспариваемъ, какъ гипотеза недостаточно подкрѣпляемая фактами, то едва ли подлежитъ спору положеніе, что всѣ три психическіе элемента (ощущенія, чувствованія и стремленія) или, по крайней мѣрѣ, два (ощущенія и чувство) появляются въ реальномъ сознаніи вмѣстѣ, неразрывно и что въ раздѣльности они существуютъ только для научной абстракціи. Къ этому воззрѣнію наиболѣе склонны современные психологи. Такъ Вундтъ въ выше упомянутой статьѣ Vierteljahrsschrift'a становится на сторону той теоріи, которая *„понимаетъ представленіе и чувство, какъ координированныя въ одно цѣлое части одного и того же внутренняго событія*, при чёмъ все то, что мы называемъ аффектомъ, влеченіемъ, желаніемъ, хотѣніемъ, опять таки должно быть разсматриваемо, какъ часть того же событія или какъ спеціальная форма чувства. Во всякомъ случаѣ эта теорія понимаетъ чувство и представленіе не какъ различныя событія, но какъ составныя части одного и того же процесса, раздѣленіе котораго на части есть для нея только результатъ психологической абстракціи. Конечно, психологическій анализъ имѣетъ право на это разложеніе, но онъ выступаетъ за границу этого права, если смотритъ, какъ на реально раздѣльныя явленія, на такія составныя части событія,

которыя добываются только абстракціею [1])". Но и самъ авторъ проговорился на стр. 500, что „въ сущности всѣ феномены сознанія возникаютъ разомъ, т. е., другъ изъ друга на неизмѣримо малыхъ промежуткахъ времени и безъ сознательной связи между собою". Въ этой фразѣ *не вяжутся* слова: „возникаютъ разомъ" съ словами, по видимому, ихъ поясняющими: „т. е., другъ изъ друга на неизмѣримо малыхъ промежуткахъ времени". Нужно бы держаться чего либо одного: или разомъ т. е., одновременно, или черезъ промежутки, т. е., не одновременно. Далѣе какъ же авторъ узналъ, что „феномены сознанія возникаютъ другъ изъ друга черезъ промежутки", когда самъ же называетъ эти промежутки „неизмѣримо малыми"? Значитъ, онъ не могъ эмпирически провѣрить, что сперва является въ сознаніи ощущеніе, а потомъ чувствованіе, „изъ него и на его основаніи возникшее". Значитъ, вѣрнѣе то, что „феномены возникаютъ разомъ", т. е., что чувствованіе возникаетъ въ тоже самое время, какъ и ощущеніе и составляетъ *тонъ* этого послѣдняго, тонъ, стольже неразрывно составляющій принадлежность ощущенія, какъ его *качество* или *интенсивность*. Итакъ, если мы остережемся утверждать вмѣстѣ съ Горвицемъ, что чувствованіе предшествуетъ и служитъ основаніемъ для ощущенія, то можемъ смѣло принимать вмѣстѣ съ Вундтомъ [2]) что чувствованіе, какъ *тонъ*, точно также составляетъ часть ощущенія, какъ и его качество и интенсивность, и точно также *не есть слѣдствіе и не возникаетъ* изъ этихъ послѣднихъ частей, какъ качество не возникаетъ изъ интенсивности, или наоборотъ. По нашему, отношеніе между этими составными частями не есть *отношеніе причинности, а отношеніе соотвѣтствія или параллелизма*. Тѣже отношенія существуютъ и между болѣе развитыми и сложными явленіями изъ среды познанія (представленіями, понятіями) и сопровождающими ихъ болѣе сложными чувствами и волненіями. Во всякомъ случаѣ г. Гротъ въ основаніе для признанія причиннаго отношенія между ощущеніями и ихъ производными и чувствованіями *ничего другаго* не положилъ кромѣ à priori'ныхъ посылокъ о жизни, какъ взаимодѣйствіи организма съ средой, и о четырехъ моментахъ, въ которыхъ это взаимодѣйствіе должно выражаться. Точно также я

---

[1]) Вундтъ, loco citato, 131.

[2]) См. также Physiol. Psychol., гл. X.

считаю не доказаннымъ со стороны автора, что „всякое стремленіе и всякое движеніе должны имѣть свою причину въ ощущеніяхъ или чувствованіяхъ“ (стр. 442). Относительно движеній уже было сказано, что это не психическія явленія и, съ моей точки зрѣнія, излагать и развивать которую здѣсь не мѣсто, суть ничто иное, какъ объективированные или принявшіе форму матеріально-пространственную *акты воли*; но и стремленія или хотѣнія вовсе не возникаютъ изъ ощущеній и чувствованій и не суть ихъ слѣдствія. Относительно стремленій я вмѣстѣ съ школою Шопенгауера признаю, что какъ представленія, такъ и чувства суть только выраженія воли, первыя со стороны объектовъ или цѣлей воли, вторыя со стороны ея состояній, ея интенсивности, ея удовлетворенности, или неудовлетворенности. Но оставя въ сторонѣ школу Шопенгауера на теоріи которой г. Гротъ смотритъ какъ на „праздныя словопренія“, я противъ него лучше обопрусь на авторитетъ Вундта. Вмѣстѣ съ этимъ физіолого-психологомъ я не только считаю, что представленіе и чувство всегда составляютъ части одного и того же психическаго феномена, но что „мы можемъ пытаться выводить изъ воли остальныя формы чувствъ и волненій, если не съ большимъ, то, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ же самымъ правомъ, съ какимъ другіе выводятъ волю изъ чувства“ [1]).

Впрочемъ, кромѣ отсутствія обосновки у г. Грота для его теоріи отношенія психическихъ элементовъ другъ къ другу, она имѣетъ и другой *недостатокъ*, а именно, какъ-то плохо ладится съ его положеніемъ „о самостоятельности чувствованій“. Если чувствованія имѣютъ своею причиною ощущенія и возникаютъ изъ нихъ, то чѣмъ собственно разнится эта теорія отъ другихъ, которыя не признаютъ самостоятельности чувствованій и которыя оспариваются г. Гротомъ? Въ сущности теорія его сходна съ теоріей Гербарта, если мы будемъ смотрѣть на нихъ съ психологической точки зрѣнія и разница между ними окажется только съ метафизической: Гербартова психологія въ основѣ своей имѣетъ метафизику идеалистическую, а психологія г. Грота матеріалистическую.

Я подхожу къ концу своей критической оцѣнки „Психологіи чувствованій“, ибо главною задачею моей статьи было указать на

---

[1]) См. ту же статью, стр. 150.

исходныя точки и общее направленіе этого, впрочемъ, весьма почтеннаго труда. Я нахожу ошибочными и то, и другое; и если мнѣ удалось *вскрыть это* для моихъ читателей, то я трудился производительно. Дѣло въ томъ, что сочиненіе г. Грота какъ *дѣйствительными* своими достоинствами (эрудиціею автора, систематическою постройкою теоріи, связнымъ изложеніемъ и даже нѣкоторою оригинальностью), такъ и *мнимыми* (якобы современностью направленія, якобы твердостью и точностью эмпирически и физіологически обоснованныхъ первоначальныхъ данныхъ и исходныхъ пунктовъ, якобы научностью обработки этихъ данныхъ въ согласіи съ современными авторитетами[1]) и трезвостью выводовъ изъ нихъ) можетъ на столько отуманить людей, спеціально незнакомыхъ съ психологіей и философіею, что они и въ самомъ дѣлѣ примутъ его за *послѣднее слово* психологической науки. Такое вліяніе сочиненія г. Грота, при бѣдности отечественной психологической и философской литературы и при малочисленности людей, получившихъ философское образованіе, не только не способствовало бы установкѣ въ обществѣ дѣйствительно научныхъ взглядовъ на психологическіе вопросы, но было бы даже въ нѣкоторомъ отношеніи несправедливостью. Мы рѣшительно ничего не имѣемъ противъ того, что трудъ г. Грота займетъ почтенное *положеніе* въ литературѣ; далѣе мы готовы уступить этому труду, какъ представителю опредѣленнаго направленія, нѣкую *долю вліянія* въ борьбѣ воззрѣній: но мы считаемъ въ тоже время сообразнымъ съ требованіемъ справедливости указать, что „Психологія чувствованій“ есть выраженіе *не общепринятой, точной науки*, а одного изъ направленій между другими борящимися направленіями, и

---

[1]) „Психологія чувствованій“ такъ составлена, что, по видимому, въ ней каждое положеніе обставлено авторитетами Бена, Спенсера, Дюмона, Лотце, Вундта, Горвица и пр. По тутъ есть нѣкій миражъ, подробно разъяснять который для знающихъ безполезно, а для незнающихъ очень утомительно. Дѣло въ томъ, что въ цѣломъ теорія г. Грота не согласна ни съ однимъ изъ упомянутыхъ психологовъ (ближе всего она, конечно, къ Бену), но различныя отдѣльныя части ея, заимствованныя то у одного, то у другого, искусственно приложены къ основному взгляду автора, что психическая жизнь есть „одна изъ областей жизни организма“ и къ общему направленію, стирающему различіе между міромъ матеріальнымъ и психическимъ и уничтожающему самостоятельность послѣдняго.

притомъ, по моему крайнему разумѣнію, выраженіе направленія, наиболѣе, чѣмъ другія, *односторонняго* и *менѣе состоятельнаго* въ логическомъ отношеніи.

Расходясь въ основныхъ положеніяхъ и исходныхъ точкахъ съ „Психологіею чувствованій", я, конечно, разойдусь съ нею и въ дальнѣйшемъ развитіи ея теоритическаго отдѣла, по скольку въ нёмъ отразятся эти исходныя точки. По этому я заключу свою статью такими замѣчаніями, которыя имѣли бы силу и въ томъ случаѣ, если бы я былъ согласенъ съ почтеннымъ авторомъ въ общемъ направленіи.

Прежде всего взглянемъ на таблицу ощущеній (стр. 450). Съ поставленной нами сейчасъ точки зрѣнія, пусть ощущенія будутъ „показателями взаимодѣйствія организма съ внѣшней средой"; пусть одни изъ нихъ (внѣшнія) „показываютъ дѣйствія среды на внѣшніе", другія (внутреннія) „показываютъ дѣйствіе среды на внутренніе органы организма; наконецъ пусть одни изъ нихъ служатъ „показателями процессовъ, составляющихъ обмѣнъ веществъ", другіе „показателями процессовъ, составляющихъ обмѣнъ впечатлѣній". Но мы не видимъ основаній, почему „тепловыя ощущенія" отнесены авторомъ во первыхъ къ „показателямъ дѣйствія среды на внѣшніе органы организма", а во вторыхъ къ „показателямъ процессовъ, составляющихъ обмѣнъ веществъ". Въ первомъ отношеніи можно указать на *противорѣчащій фактъ* тепловыхъ ощущеній, испытываемыхъ, напр., отъ вина, т. е., происходящихъ отъ дѣйствія внѣшней среды (вина) на внутренніе органы (желудокъ и пр.). Во второмъ отношеніи противорѣчитъ, напр., случай, когда мы грѣемся на солнцѣ, или у огня; конечно, здѣсь тепловыя ощущенія происходятъ не отъ обмѣна веществъ, а отъ обмѣна впечатлѣній. Далѣе недоумѣваю я, что разумѣетъ авторъ подъ особыми внѣшними ощущеніями которыя окрещены имъ названіемъ половыхъ. Еще въ половомъ актѣ можно, пожалуй, видѣть особое ощущеніе въ ощущеніи напряженія половыхъ органовъ, но неужели въ актѣ объятій и поцѣлуя есть какія либо особыя ощущенія кромѣ осязательныхъ, мускульныхъ и тепловыхъ? Не принялъ ли авторъ въ этомъ случаѣ за ощущенія чувства, сопровождающія эти акты? Но тогда это было бы ужь очень рѣзкимъ смѣшеніемъ понятій. На стр. 452 авторъ, ссылаясь на Бена, принимаетъ „особую группу внѣшнихъ ощущеній, связанныхъ съ животныхъ прикосновеніемъ": но это „жи-

вотное прикосновеніе“ нисколько не убѣждаетъ въ существованіи „особой группы ощущеній“. Положимъ, я глажу живую кошку или собаку и потомъ глажу просто мѣхъ кошачій или собачій; я рѣшительно не вижу основаній получить въ первомъ случаѣ какой то *особый родъ внѣшнихъ ощущеній*, сравнительно съ вторымъ случаемъ: ничего, кромѣ возможныхъ мускульныхъ, осязательныхъ и тепловыхъ ощущеній, быть не можетъ. Большая разница можетъ быть только въ тонѣ (чувствахъ), который можетъ сопровождать ощущенія перваго и второго случая, напр., если я люблю кошку или собаку и т. д.: но эта разница уже иного рода. Далѣе, почему эти „половыя ощущенія“, почему ощущенія отъ „животнаго прикосновенія“, отъ „актовъ объятія и поцѣлуя“ суть „показатели процессовъ, составляющихъ обмѣнъ веществъ“? Какъ будто организмы въ „актахъ поцѣлуя и объятій“ обмѣниваются веществами?

Я не стану трогать теорію „четырехъ моментовъ чувствованій“ и соотвѣтствія ихъ „работѣ и состоянію тканей“, потому что въ этомъ случаѣ опять пришлось бы разойтись принципіально съ авторомъ, и ограничусь замѣчаніемъ объ одномъ весьма важномъ затрудненіи, съ которымъ эта теорія, по моему, должна бы *считься*.

Какъ извѣстно, превращеніе всякаго новорожденнаго организма въ его взрослую форму обусловливается только тѣмъ, что во все время этого процесса трата вещества не соотвѣтствуетъ его накопленію, т. е., что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тратится не всё предварительно накопленное вещество, а въ меньшемъ количествѣ. По теоріи же г. Грота „избытокъ накопленія вещества сравнительно съ его тратою“ или, что все равно, „недостатокъ траты сравнительно съ накопленіемъ“ (стр. 459) сопровождается „отрицательнымъ страданіемъ“. Отсюда, если не ошибаюсь, слѣдуетъ, что какъ каждый день и, пожалуй, часъ, такъ и вообще все время роста организма должно быть преимущественно наполнено этимъ „отрицательнымъ страданіемъ“. Между тѣмъ общее мнѣніе, основанное на опытѣ всѣхъ временъ, гласитъ, что дѣтство и юношество, т. е., періодъ роста человѣческаго организма, есть счастливѣйшій возрастъ, наполненный радостями и удовольствіями. Съ другой стороны по той же теоріи слѣдуетъ, что, начиная съ преклоннаго возраста человѣка, т. е., когда начинается „избытокъ траты въ тканяхъ сравнительно съ предшествующимъ накопленіемъ“, жизнь его должна быть наполнена „положительнымъ страданіемъ“. Конечно, жизнь чело

вѣка въ преклонныхъ лѣтахъ не особенно радостна, но все таки изъ опыта не видно, чтобы она во всѣхъ случаяхъ непремѣнно была сопряжена съ большими страданіями, чѣмъ жизнь того же человѣка въ зрѣломъ возрастѣ, а это должно бы слѣдовать изъ теоріи г. Грота. Напротивъ, опытъ не рѣдко показываетъ, что люди подъ старость, не смотря „на избытокъ траты вещества сравнительно съ его накопленіемъ", долженствующій по г. Гроту „сопровождаться положительнымъ страданіемъ", дѣйствительно не страдаютъ, а живутъ сравнительно покойнѣе и лучше, чѣмъ они жили и страдали въ трудахъ и страстяхъ зрѣлаго возраста, въ которомъ, по теоріи автора, только и возможенъ если не перевѣсъ положительнаго и отрицательнаго удовольствія надъ таковымъ же страданіемъ, то, по крайней мѣрѣ, ихъ равновѣсіе. Желательно было бы, чтобы г. Гротъ разрѣшилъ это затрудненіе съ своей точки зрѣнія.

Въ вопросѣ объ „основаніяхъ классификаціи первоначальныхъ чувствованій", я не могу понять, зачѣмъ авторъ ставитъ психологіи требованія, которыя самъ же признаетъ *невыполнимыми*. По его мнѣнію, распредѣлить на классы первоначальныя чувствованія „необходимо на основаніи отправленій организма"; но такъ какъ „физіологія еще не выработала такого распредѣленія, которое можно бы было назвать естественною системою отправленій организма" (стр. 471), то онъ классифицируетъ первоначальныя чувствованія по ощущеніямъ, даннымъ въ психологіи. Но читатель уже знаетъ изъ моего изложенія системы г. Грота, какъ изъ помноженія 16 видовъ ощущеній на 4 момента чувствованій должны образоваться 64 класса первоначальныхъ чувствованій.—Оставляя въ сторонѣ безполезность требованія классифицировать ощущенія и потомъ чувствованія по отправленіямъ организма, которыхъ „естественной классификаціи" не существуетъ, я не вижу основаній для этого требованія и въ томъ случаѣ, если бы означенная классификація существовала. На какомъ основаніи думаетъ авторъ, что всякимъ особымъ органамъ и физіологическимъ отправленіямъ должны непремѣнно соотвѣтствовать какія либо спеціальныя ощущенія? Да если бы и непремѣнно должны были соотвѣтствовать, то что же дѣлать, если они не являются съ ясностью въ сознаніи? Можетъ быть, каждому отдѣльному волоконцу нашихъ нервовъ должно соотвѣтствовать какое либо особое первичное ощущеніе, но что же дѣлать, если мы таковыхъ ощущеній не сознаемъ? Во всякомъ случаѣ главною и

послѣднею опорою въ установкѣ существованія и свойствъ какихъ либо психическихъ явленій служитъ *внутренній опытъ*, что, по видимому, признано и самимъ авторомъ на стр. 420 и слѣд. и что вполнѣ подтверждается исторіею установки психическихъ элементовъ. Такъ существованіе особой группы мускульныхъ ощущеній было выдѣлено изъ осязательныхъ ощущеній и установлено только въ началѣ нынѣшняго столѣтія главнымъ образомъ шотландскими психологами, особенно Т. Броуномъ (1778—1820) на основаніи внутренняго опыта и наблюденія, хотя, конечно, существованіе мускуловъ, какъ особыхъ органовъ, и сокращеній, какъ ихъ отправленія, было давнымъ давно извѣстно. Во всякомъ случаѣ физіологія, если не ошибаюсь, въ лицѣ Іог. Мюллера, подняла съ своей точки зрѣнія вопросъ о мускульномъ ощущеніи и его органахъ позже, чѣмъ психологія. По этому мнѣ кажется, что иначе поступить, какъ поступилъ авторъ, было и невозможно съ его точки зрѣнія: ничего, кромѣ признаваемыхъ имъ родовъ ощущеній, онъ не могъ поставить въ основаніе для классификаціи такой гипотетической вещи, какъ его первоначальныя чувствованія.

Глава „Психологіи чувствованій“ о законахъ ихъ осложненія представляется мнѣ въ значительной степени *неясною*. Такъ, напр., когда авторъ говоритъ, что „чувствованія входятъ въ ассоціацію между собою“, я не понимаю, происходитъ ли эта ассоціація, по его мнѣнію, непосредственно или же посредственно. По видимому (стр. 493—495), авторъ допускаетъ непосредственную ассоціацію, а между тѣмъ это еще вопросъ, можетъ ли *чувство само по себѣ* вызывать другое чувство, хотя бы между ними и было сродство и сходство. Такъ какъ каждое психическое отдѣльное состояніе есть соединеніе, по меньшей мѣрѣ, *двухъ*[1]) элементовъ, то, по моему, только представленіе и чувство вмѣстѣ могутъ ассоціироваться съ другимъ представленіемъ и чувствомъ вмѣстѣ. При этомъ опять таки дѣятельнымъ элементомъ, т. е., вызывающимъ другое состояніе, можетъ быть или чувство или представленіе; и вѣроятнѣе, что эта роль принадлежитъ послѣднему, т. е., что переходъ отъ одного чувства къ другому совершается косвенно, путемъ перехода отъ одного представленія къ другому. Вообще чувство не такъ подвижно, какъ представленіе, а потому

[1]) По моему, всегда трехъ: воли, чувства и представленія.

чувства осложняются главнымъ образомъ оттого, что чувства, или настроенія, оставшіяся отъ представленій, уже исчезнувшихъ изъ сознанія, модифируются или сливаются отъ соединенія съ чувствами, связанными съ новыми представленіями.

Но какъ бы то ни было, собственная теорія психическаго оборота должна бы запретить автору допущеніе непосредственной ассоціаціи чувствъ, ибо въ этомъ случаѣ за чувствованіемъ, возникшимъ на основаніи ощущенія, слѣдовало бы другое ассоціированное съ нимъ чувствованіе, которое, вопреки *теоріи*, возникло бы безъ предъидущаго ощущенія. Точно также едва-ли „чувствованія удерживаются въ памяти“ въ зависимости отъ силы раздраженій. Опытъ указываетъ, что мы постоянно гораздо легче припоминаемъ представленія и мысли, чѣмъ сопровождавшія ихъ чувства, какъ бы сильны они ни были въ то время, когда мы ихъ имѣли. Отъ этого извѣстнаго каждому изъ личнаго опыта факта и происходитъ иначе необъяснимая у насъ охота къ воспоминаніямъ самыхъ тяжелыхъ минутъ нашей прошедшей жизни. Картины и представленія этихъ минутъ ярко воскресаютъ въ памяти, но чувства, ихъ сопровождавшія, вспоминаются весьма несовершенно и неясно. Вообще я нахожу, что г. Гротъ перенесъ законы осложненія идей на чувствованія безъ достаточнаго оправданія этого переноса.

Закончу свои замѣчанія послѣднимъ указаніемъ на произвольность ученія г. Грота о „развитіи первичныхъ чувствъ“. Хотя и самъ авторъ признаетъ свои соображенія, относящіяся къ этому предмету, только предположеніями, но гадательность и произвольность этихъ предположеній, не смотря на пояснительные примѣры, такъ велика, что они, по моему мнѣнію, *не могутъ выполнить* указанной для нихъ авторомъ *цѣли*—подкрѣпить „общую мысль о периферическомъ происхожденіи всѣхъ сложныхъ чувствъ и волненій“. Поэтому несравненно удовлетворительнѣе классификація чувствованій и теорія ихъ развитія изъ простѣйшихъ въ чувства высшаго порядка у „колесящаго и громоздящаго“ Горвица. Правда, у него нѣтъ такихъ точныхъ схемъ и подробныхъ таблицъ, нѣтъ такихъ красивыхъ круглыхъ чиселъ, какъ у г. Грота: но это выкупается тѣмъ, что въ „Analysen der qualitativen Gefühle“ мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительными чувствованіями, всѣмъ извѣстными и доступными наблюденію, между тѣмъ какъ таблицы изъ 64 первоначальныхъ чувствованій и 32 первичныхъ чувствъ и волненій въ „Психологіи чувствованій“ представляютъ нѣчто весьма

гадательное. Въ видѣ образчика такихъ гаданій укажемъ на уже знакомый читателю *выводъ* авторомъ первичныхъ чувствъ изъ первоначальныхъ чувствованій, связанныхъ съ процессомъ питанія. Чувство злобы, по этому выводу, *происходитъ* изъ чувствованія голода, повысившагося въ интенсивности въ слѣдствіе борьбы съ добычею, въ соединеніи съ представленіями о различныхъ обстоятельствахъ и перипетіяхъ этой борьбы. Изъ объясненій автора на стр. 513—515 видно только одно, что чувство злобы *можетъ развиться* изъ чувства голода, сопровождаемаго обстоятельствами борьбы съ добычею: но нисколько не видно, что злоба можетъ возникнуть только этимъ путемъ. Я рѣшительно не вижу, почему бы, напр., чувство злобы не могло развиться у животныхъ изъ неудовлетворенной половой потребности, сопровождаемой борьбою съ самкою, или, еще лучше, борьбою съ соперниками. Какъ будто у животныхъ травоядныхъ, которымъ ихъ добыча не можетъ сопротивляться, нѣтъ злобы? Если же у нихъ нельзя отрицать существованія злобы, то моментъ борьбы съ добычею въ этомъ случаѣ не при чёмъ. Далѣе почему злоба развивается только у того животнаго, которое борется съ добычею и насыщается ею? Почему она не можетъ развиваться у добычи или жертвы въ силу борьбы съ хищникомъ? Почему бы не былъ возможенъ такой случай, что чувство злобы развилось у какой либо группы животныхъ не отъ голода (ибо, по обстоятельствамъ, пища могла доставаться въ обиліи и безъ борьбы), а отъ постоянныхъ страданій, наносимыхъ ничтожнымъ сравнительно, но необоримымъ по своей неуловимости или многочисленности паразитомъ?

На всѣ эти вопросы *нѣтъ отвѣта* въ „Психологіи чувствованій", да и не можетъ быть, потому что въ ней вся теорія развитія чувствъ основана не на дѣйствительно происходившихъ фактахъ, а на гадательныхъ предположеніяхъ.

Точно тѣже вопросы можно поставить и относительно развитія прочихъ первичныхъ чувствъ изъ чувствованій, соединенныхъ съ процессомъ питанія. Почему непремѣнно чувство торжества или мести развивается изъ обстоятельствъ побѣды подъ добычею и удовлетворенія голода. Отчего бы чувству торжества не развиваться при удовлетвореніи, напр., половой потребности при обстоятельствахъ побѣды надъ самкою, которая въ животномъ мірѣ болѣе или менѣе насилуется, и надъ соперниками.

Что касается до чувства отвращенія (къ пищѣ?), то выводъ его

изъ страданій „отъ чрезмѣрнаго переполненія органовъ пищеваренія или отъ пищи, имѣющей дурной вкусъ и вызывающей тошноту, вообще недоброкачественной“ (516) крайне сомнителенъ. Въ животномъ мірѣ страданія отъ переполненія желудка и пр. могутъ быть только въ рѣдкихъ случаяхъ, ибо обжорства въ строгомъ смыслѣ у животныхъ нѣтъ, а пища недоброкачественная сводится для животнаго къ пищѣ недостаточной. Въ человѣческомъ же мірѣ въ большинствѣ случаевъ отвращеніе къ какой либо пищѣ обусловливается не ея плохою питательностью, вкусомъ и т. п., а сложными мотивами, среди которыхъ играютъ важную роль привычка, предразсудки, естетическія побужденія и пр.

Наконецъ чувство снисходительности или благорасположенія развивается изъ чувствованій, соединенныхъ съ ощущеніями правильно и благополучно окончившагося пищеваренія. Замѣчательно то, что, какъ видно изъ дальнѣйшихъ разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ соображеній автора (напр., стр. 538, 541 и др.), это чувство снисходительности и первичное чувство половой симпатіи становятся, при осложненіи ихъ идеями и другими чувствами, *краеугольными камнями* чувствъ сострадапія, самоотверженной любви къ ближнему, къ человѣчеству и т. п. Отсюда бы слѣдовало, что напрасно всѣ мы такъ удивляемся и высоко цѣнимъ эти чувства, ибо, по теоріи г. Грота, они суть только необходимый продуктъ удовлетвореннаго брюха (принимая слово въ болѣе широкомъ смыслѣ). Значитъ, къ чему же тутъ наше удивленіе и благодарность этому брюху? довольно съ него, что оно насыщено. Но, къ счастію, теоріи почтеннаго автора, пріурочивающія всѣ проявленія духа къ органамъ тѣла, не вѣрны; не вѣрно также и его наблюденіе, что „люди, упитанные и сытые, особенно наклонны къ чувству снисходительности и благорасположенія въ отношеніи ко всѣмъ окружающимъ ихъ живымъ существамъ“ (стр. 516). Этому наблюденію я смѣло противопоставляю собственное наблюденіе, что сытая и угобженная во всѣхъ отношеніяхъ человѣческая скотина относится въ большинствѣ случаевъ черство и безсердечно, по крайней мѣрѣ, къ существамъ себѣ подобнымъ.

Этими замѣчаніями я закончу свою оцѣнку „Психологія чувствованій. Не смотря на нихъ и вообще на принципіальное разногласіе съ г. Гротомъ, я всетаки признаю его трудъ *почтеннымъ и цѣннымъ* для нашей литературы. Если критика въ историческомъ отдѣлѣ „Психологіи чувствованій“ слаба и недостаточна по несостоятельности кри-

терія, который лежитъ въ ея основаніи, то все таки этотъ отдѣлъ своею полнотою и точностью даетъ возможность современному русскому читателю *познакомиться съ фактами* исторіи психологіи и во всякомъ случаѣ представляетъ *богатый матеріалъ* для занимающихся этой наукой. Что же касается до теоретическаго отдѣла, то его можно признать за весьма смѣло, систематически и до нѣкоторой степени оригинально проведенное выраженіе, правда, ошибочнаго, но далеко не безуспѣшно борящагося за свое существованіе особеннаго воззрѣнія на природу и отношеніе психическихъ явленій. По этому и послѣдователи иныхъ воззрѣній не имѣютъ права *игнорировать* книгу г. Грота и обязаны подвергнуть ее критическому изслѣдованію; настоящая статья и есть ничто иное, какъ попытка *выполнить*, по мѣрѣ силъ и возможности, *эту обязанность*. Если мнѣ удалось съ одной стороны познакомить читателя съ содержаніемъ „Психологіи чувствованій“ и ея хорошими сторонами, а съ другой выяснить односторонность и произвольность ея теорій, то трудъ мой не потраченъ даромъ.

Если въ теченіи этой статьи у читателя, не знакомаго съ философіею, могли возникнуть *недоумѣнія* по поводу нѣкоторыхъ моихъ положеній (напр., по поводу утвержденія несуществованія въ пространствѣ психическихъ явленій и по поводу отрицанія причинной связи между ними и явленіями матеріальными) и интересъ къ разрѣшенію этихъ недоумѣній, то я очень жалѣю, что не могу въ этой статьѣ удовлетворить этому интересу. Для обстоятельнаго объясненія, съ моей точки зрѣнія, того процесса, посредствомъ котораго мы данныя намъ во внутреннемъ опытѣ и предполагаемыя по аналогіи у другихъ психическія явленія, существующія только во времени, относимъ къ пространству, и далѣе для выясненія связи между матеріальными и духовными явленіями потребовалось бы чрезмѣрно разширить эту статью и совсѣмъ выйти изъ ея задачи, которая состоитъ въ оцѣнкѣ сочиненія г. Грота. Но надѣюсь въ другое время и по другому поводу высказать свое мнѣніе о метафизической проблеммѣ отношенія духа къ тѣлу, къ которой необходимо приходятъ съ одной стороны науки о матеріи, съ другой науки о духѣ. Можетъ быть, этотъ поводъ будетъ поданъ авторомъ „Психологіи чувствованій“, если онъ пожелаетъ высказаться по поводу возраженій, сдѣланныхъ мною противъ его теорій.

А. Козловъ.

Библиотека
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ